

Олег Игоревич Бондарев
Выбор сталкера
Серия «Пикник на обочине»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11697674
Выбор сталкера: Издательство АСТ; М.; 2015
ISBN 978-5-17-092815-6

Аннотация

Мы до сих пор не знаем, что именно тогда произошло.

Точно известно лишь одно: Хармонт – не единственный город, переживший Посещение.

Всего Зон Посещения было шесть.

И одна из этих Зон пришлась на окрестности Новосибирска.

В баре «Радиант», где собираются сталкеры, можно услышать всякое.

И только о потерях здесь говорить нельзя. Все и так знают: в любой момент Зона может забрать у тебя все – жизнь, душу, родных и близких, будущее и настоящее.

Сталкер Смычок узнал это на своем опыте. Его брат пропал в Зоне. А через полгода вернулся... но это был уже не он.

А у другого сталкера бандиты брата похитили. И увезли в Зону Зачем, почему – кто его знает...

Теперь этим сталкерам придется сделать непростой выбор: оставить все как есть или же в очередной раз бросить вызов Новосибирской Зоне Посещения.

И попробовать разобраться в случившемся.

Содержание

Пролог	5
Часть 1	7
Глава 1	7
Глава 2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Олег Игоревич Бондарев

Выбор сталкера

© Олег Бондарев, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Кто готов принести жертву, всегда найдет подходящий алтарь.
Леешек Кумор

Пролог

Весна 2016 г.

Одиноким беглец мчался вперед, не разбирая дороги. Ветер рвал тонкую серую куртку, бил в лицо. Но беглец знал, что остановка – верная смерть, и потому несся как угорелый.

Кругом была темень хоть глаз коли. Споткнувшись, мужчина пролетел метра полтора и рухнул на траву. Земля вышибла последний воздух из легких, дыхание перехватило. Шлепая губами, как выброшенный на берег карась, бедняга затравленно огляделся по сторонам. Затем, скрипя зубами от боли, поднялся и снова рванул вперед, гонимый криками ужаса и жутким, нечеловеческим ревом.

Что за твари напали на отряд, беглец так и не понял, да и, честно говоря, не очень-то задумывался. Куда больше в тот момент его волновала собственная жизнь.

Приземистое здание он заметил не сразу, хотя находилось оно буквально в пятидесяти метрах от места трагедии. Подбежав, обеими руками ухватился за массивную стальную ручку и дернул дверь на себя. Дохлый номер: скобы и петли давно проржавели. Чертыхаясь, мужчина уперся левой ногой в стену и с утроенной силой потянул за ручку. Сердце бешено колотилось, словно намереваясь пробить в грудной клетке солидную дыру. Ну же, давай! Хоть капля удачи, хоть жалкая капелька...

Когда дверь наконец поддалась, беглец от неожиданности выпустил ручку и, потеряв равновесие, завалился на спину. Продолжая бормотать под нос проклятия, он быстро, насколько мог, вскочил и нырнул внутрь.

Первым же делом, пытая и краснея от натуги, мужчина закрыл массивную дверь и взялся за выдавший виды засов. Шел он туго, с жутким, надсадным скрипом, но все-таки шел! Бедняга закусил нижнюю губу, больно, до крови; пот струился по холеному лицу, к подбородку, спадал на грязные рукава тяжелыми каплями и вяз в осевшей на куртке пыли. Наконец затвор уперся в рамку, и беглец отпрянул назад.

Выдержит ли дверь напор тех тварей? Или же сломается пополам от первого же тычка?

Мужчина огляделся по сторонам, ища слабые места своей «крепости». Окна, как он мимоходом отметил, довольно узкие, так что через них твари вряд ли смогут пролезть. Стены им тоже, надо думать, не по зубам... значит, единственный возможный путь для них – через дверь.

Взгляд бегльца скользнул к лежащему у ног напольному подсвечнику. Присев на корточки, он внимательно осмотрел находку. Ни «мочала», ни иной мерзости. Тогда мужчина подхватил ее с пола и, ломая фигурные крючки, с трудом протиснул в дверную ручку. Получился, по сути, второй засов.

Шумно выдохнув, беглец прислонился к стене и бессильно сполз вниз.

Кажется, теперь он в относительной безопасности.

Только – что дальше?

Лишь сейчас, когда глаза более-менее привыкли к царящему внутри полумраку, мужчина увидел, что оказался в некоем подобии часовни: иконы повсюду валяются, вон сломанный крест лежит...

А рядом с крестом – два трупа.

Беглец хотел было шагнуть к ним, чтобы получше рассмотреть, однако вовремя себя одернул. Из-за чего-то ведь эта парочка погибла, верно? Наверняка там или аномалия какая-то, или артефакт губительный. Сунешься – там и останешься. Третьим будешь, ага.

Он подтянул к себе ноги, обхватил колени руками, прислушался. Судя по тому, что снаружи все стихло, пир монстров наконец закончился и его спутники мертвы. Можно, конечно,

продолжать надеяться, что спасся не только он, но к чему тешить себя подобными иллюзиями? Нужно исходить из того, что есть. А есть – он один. Без навыков выживания в Зоне. Практически без припасов. С багажом из страхов застрял в нескольких километрах от пункта назначения. И черт его знает что ближе – этот пункт или все-таки Искитим?

«Пока снаружи бродят мутанты, ближе всего, пожалуй, на тот свет», – обреченно подумал мужчина.

Он уткнулся лбом в колени, зажмурился. Правая нога ныла – видимо, недавнее падение не прошло бесследно. Что у него в карманах? Пропуск? Мобильник, который в Зоне даже не ловит, а полчаса назад и вовсе выключился отчего-то, да так и не включился с тех пор?

В общем, без шансов.

Интересно, кто те двое? Сталкеры? Вероятно, да. Но как они погибли? Что за зараза отправила на тот свет сразу двоих? Мужчину невольно затрясло. А что, если тут какая-нибудь «зеленка» или подобная дрянь шастает? Куда от нее прятаться?

Он потянулся к фляжке на поясе, открыл крышку и припал к горлышку. Пил жадно, будто в последний раз. Если бы не поперхнулся, не закашлялся, так бы и вылил в себя все до капли.

Кретин. Воды больше нет. Надо экономно расходовать, а он в первые же минуты – половину запаса! Ума палата, вот уж действительно...

Вернув флягу на место, мужчина уставился на трупы сталкеров. Наверняка у них с собой тоже есть что-то съестное – даже если это место их конечная цель, обратный путь ведь никто не отменял, – да только как до этого съестного добраться? Ему и так повезло, что на пути в часовню не встретила какая-нибудь «мясорубка», а то бы полетели клочки по закоулочкам.

Нет. Пока есть возможность, лучше терпеть. Пусть лучше голодный, но живой.

Часть 1

Свободное падение

Глава 1

Нежданные гости

Костю Смычка в «Радянте» не то чтобы любили, но уважали точно. Мало что двоюродный брат покойного Колотушки, так еще и сам по себе мужик хороший, правильный и веселый.

Но в тот вечер на него просто больно было смотреть. Оно и понятно, конечно, – все-таки не кого-то поминали, а Колотушку как раз. Сгинул этот честный сталкер около полугода назад, и, хоть тела никто не видел, все понимали, что в Зоне человек столько не проживет ни при каких обстоятельствах.

– Еще, – угрюмо сказал Смычок подошедшему Парфюмеру.

Тот окинул Костю скептическим взглядом, однако без лишних вопросов и нравоучений вытащил из-под стойки очередную «беленькую» и поставил перед сталкером.

– Давай стакан, – бросил Смычок, покосившись на совсем еще молодого скуластого брюнета, сидевшего по правую руку от него.

Генка Зайцев, он же Заяц, приходился Косте племянником. С тех пор как отец пропал в Зоне, Заяц не раз порывался пуститься на поиски, однако Смычок мигом вправлял ему мозги.

– Нечего тебе там делать, – такой фразой он обычно парировал любые доводы родственника.

Вот и сегодня, выпив, Гена попытался завести старую песню, но Смычок даже говорить ничего не стал – лишь вскинул руку. «Умолкни». Так, по крайней мере, истолковал его жест Зайцев.

Сейчас он покорно подвинул стакан к дяде, и тот, налив Генке на палец, себе плеснул на два.

– Ну, – сказал Костя, меланхолично посмотрев на племянника. – Будем.

Миг – и его стакан опустел. Гена растерянно смотрел, как стекают по небритому подбородку с ямочкой прозрачные капли. Допив, Костя грохнул тарой об стойку и на пару секунд зажмурился. После утер протупившую слезу, провел рукой по русым волосам с проседью и рассеянно посмотрел на племянника карими глазами. Только сейчас Гена понял, что дядя уже порядком пьян.

– Может, по домам? – робко предложил он, глядя на Смычка.

Костя покосился на бутылку:

– А эту я тогда зачем просил?

– Мужикам оставим, – пожал плечами Гена.

– Тоже верно. – Сощурившись, Смычок взглядом отыскал сидящих чуть поодаль сталкеров – приятелей Колотушки, с которыми тот не один вечер провел в «Радянте», прежде чем сгинуть. – Эй, мужики! Водку ж будете?

Те одобрительно загудели. Оно и понятно: изрядно выпив, от нового пузыря, тем более халявного, как правило, не отказываются.

– Ну славно, чо, – пробормотал Смычок.

Он подхватил бутылку со стойки и, тяжело встав, побрел к столу, за которым обосновалась троица сталкеров.

– Держите, мужики, – сказал он, вручая дар рыжебородому верзиле Укропу. – За брата... помянете ведь?

– Помянем, Смычок, непременно, – пообещал Укроп.

– А я пойду, пожалуй. Пора, – криво улыбнулся Костя и пошел к выходу.

– Бывай, – нестройным хором проводили его сталкеры.

Гена, кивнув им напоследок, увязался вслед за дядей.

Снаружи было прохладно. Морщась от порывов ночного ветра, Смычок застегнул куртку и накинул на голову капюшон. Весна в Искитиме уже наступила, днем было плюс семнадцать, но, выйдя в ночь, ты невольно вспоминал, что находишься в Сибири.

– Пойдем вместе, дядь Кость? – предложил Гена.

Смычок смерил его взглядом, пожал плечами – мол, если хочешь, то, конечно, пойдем – и поплелся по тротуару, слегка виляя, словно велосипед с гнутыми колесами. Будь в кармане пачка, Костя и закурил бы даже, такое было паскудное настроение. Однако уже шестой год сигарет у него не водилось. Сейчас едва ли вспомнил бы, почему отказался от дурной привычки, – то ли в целях экономии, то ли просто надоело.

А может, это случилось, когда он узнал, что Света беременна? Да, наверное, как раз тогда.

– Днем погодка уже прям волшебная, – пробормотал сталкер, оглянувшись на спутника. – Ночью, конечно, еще не так...

Несмотря на то что Смычку совсем недавно исполнилось тридцать три, выглядел он раза в два старше: седые пряди в короткостриженной темно-русой шевелюре, глубокие морщины на лбу и в уголках глаз, мешки такие, будто неделю не спал, мочки правого уха нет в принципе... В общем, портрет не мальчика, но мужа, побитого, но не сломленного. Правда, сейчас такой депресняк навалился, что хоть волком вой, но это ведь проходящее. Временное.

Из темного проулка, мимо которого они проходили, донеслись сдавленные стоны. Смычок, заслышав их, остановился и медленно повернул голову на звук, а потом уверенно шагнул в темноту.

– Дядя Костя! – окликнул его Заяц, но сталкер будто не слышал.

Метрах в десяти от входа в проулок двое плечистых верзил увлеченно пинали тщедушного мужичка в потертой куртке. Мужичок, свернувшись в позу эмбриона, тихо скулил, как побитый пес. Судя по обреченному выражению лица, он уже смирился со своей участью и теперь лишь мечтал, чтобы избиение поскорее закончилось.

Смычок не сказал ни слова. К чему, в самом деле, эта театральщина? Ближайшего ублюдка сталкер сбил с ног ударом сзади под колено – мерзавец, охнув, плюхнулся на задницу, опешив от коварной атаки исподтишка. Второй, бородатый и широкоплечий, успел повернуться к Смычку лицом, и тот, не задумываясь, врезал ему прямо в челюсть. Это был безоговорочный нокаут, но здоровяк, которого сталкер обрушил первым, еще трепыхался. Злобно раздувая ноздри, он рывком поднялся и с ревом бросился на обидчика.

Прежде Гена никогда не думал, что пьяные могут двигаться так грациозно. Смычок, будто заправский тореадор, в самый последний миг буквально отхлынул в сторону, и великан, потеряв равновесие, плюхнулся на четвереньки. Он хотел было предпринять новую попытку, но Костя моментально оказался рядом с противником и со всего размаху пнул его прямо в лицо. Заяц болезненно сморщился, невольно представив себя на месте плечистого парня, который просто рухнул навзничь и замер в неестественной позе рядом с дружком. А Смычок, смерив поверженных презрительным взглядом, оправил куртку и повернулся к побитому мужичку. Тот испуганно вздрогнул, когда сталкер протянул ему руку.

– Мне не нужны проблемы, – пролепетал незнакомец, глядя на спасителя заплывшими от ушибов глазами.

– Я просто хочу помочь тебе встать, – произнес Костя, беззлобно улыбаясь мужичку.

Незнакомец опасливо покосился на Генку, стоящего чуть поодаль, потом – на ублюдков, которые лежали на холодном асфальте у ног Смычка, и снова – на самого Костю, грозного и пьяного, но, кажется, дружелюбного.

Медленно, явно опасаясь подвоха, бедолага сжал протянутую ладонь в своей. Сталкер ухмыльнулся и рывком поднял мужчину; тот даже болезненно скривился от такого резкого подъема. Привалившись к ближайшей стене, он тяжело дышал через рот и держался за живот обеими руками.

– Идти сможешь? – встревоженно поинтересовался Костя.

Мужчина, не глядя на спасителя, отрывисто кивнул.

– Может, тебя проводить? – предложил Смычок.

Гена скорчил недовольную мину. Ему совсем не улыбалось таскаться с помятым мужичком, а потом еще и Костю сопровождать до дома.

К счастью, потерпевший и сам не очень-то хотел разгуливать по городу в компании двух подвыпивших незнакомцев, хоть те и выручили его из беды.

– Да я сам... как-нибудь... – пробормотал мужичок и медленно вдоль стеночки побрел прочь из переулка. – Спасибо... вам.

– Не за что, – охотно откликнулся Смычок.

Он повернулся к племяннику и, пьяно улыбаясь, сказал:

– Ну вот и почистили маленько... карму-то.

* * *

– Дядя Костя!

Смычок невольно вздрогнул. После стычки в переулке он до того ушел в себя, что и думать забыл о племяннике – брел себе в направлении дома, рассматривая придорожные фонари и стоящие на обочине автомобили.

– Чего тебе, Генка? – мягко спросил Костя.

– Так, а куда именно отец с дядей Мишей отправились?

– Слушай, ну сколько ты об этом будешь спрашивать?

– Так ты ни разу не ответил, вот я и спрашиваю... – разочарованно буркнул Заяц.

Взгляд Смычка затуманился. Костя невольно вспомнил, как в последний раз виделся с Гришкиным отцом – буквально накануне того злосчастного похода, в котором сгинул не только он сам, но и его старый подельник Голубь.

– «Губка» там, – тихо, но твердо сказал Колотушка, глядя на Смычка исподлобья.

– Это откуда такая информация, Жень? – нахмурился Костя.

– Из непроверенных источников. – Колотушка покосился на Мишу. – Голубь на хвосте принес, типа.

Тот лишь фыркнул и глотнул коньяка из грязного стакана.

– Я бы, честно сказать, без особой надобности в Бердск хрен сунулся, – покачал головой Смычок.

– Да ты вообще в Зону не ходок, по сути, – равнодушно пожал плечами Женья. – Так, по верхам иногда собираешь крохи. Дальше Маяка и не забредал, поди?

– А какой смысл дальше лазать?

– Какой смысл! – хмыкнул Колотушка.

Голубь тоже не сдержал улыбки.

– Понимаешь, брат, – сказал Женья, наклонившись к сидевшему напротив Смычку, – то, что до Маяка, уже излазили вдоль и поперек. Все, что только можно, нашли и продали. А вот за Маяком чуток поинтересней. Не всякий рискнет в самое сердце Зоны отправиться, а

потому весь жир, надо думать, именно там. В том числе и пресловутая «губка», про которую все без конца трывают, но никто так никогда и не видел.

– Если ее никто не видел, с чего ты взял, что она где-то в Бердске?

Колотушка бросил вопросительный взгляд на Голубя, тот, нахмурившись, покачал головой.

– Прости, брат, – со вздохом сказал Женя. – Закрытая информация.

На том их разговор о грядущей вылазке и закончился. Выпили помаленьку еще и разошлись.

– Дядя Костя, ты в порядке? – обеспокоенно спросил Гена.

Голос племянника снова вернул Смычка в реальность.

– Да, Ген, нормально все, – буркнул он. – Задумался просто.

– Так и не вспомнил?

– Нет, племяш, не вспомнил, – соврал Смычок. – Может, он и не рассказывал мне ничего? Пьян я был тогда, хуже чем сегодня. Потому, наверное, только и помню, как в «Радикс» пришел да к ним с дядей Мишей подсел.

Заяц горестно вздохнул и покачал головой.

Смычок не слишком любил врать близким, но хоронить их любил еще меньше. Узнав правду, Заяц, горячий да глупый, вполне мог отправиться в Бердск искать пропавшего отца, да там и погибнуть. Костя-то с потерей давно смирился – скольких Зона проглотила, и не сосчитать! – а вот Генка наверняка где-то в глубине души верит, что папа все еще жив и просто не может вернуться. Что его в Зоне держит, почему, и как он умудрился не помереть там до сих пор – все эти вопросы не по адресу. Вера, надежда, любовь. Три сестры, губительные для двадцатилетнего парня, которому жуть как не хочется мириться с утратой отца.

– А что, если он просто нас бросил? – отвернувшись от Смычка, неожиданно произнес Гена.

– Ты, я погляжу, тоже наакался? – Костя окинул племянника хмурым взглядом. – Раз такую чепуху несешь? С чего бы ему вас бросать? Он, можно сказать, только ради вас с матерью жил, а ты говоришь – «бросил»!

– Не знаю я уже просто что и думать, – выдавил Гена, затравленно посмотрев на дядю. – Незнательность сплошная, бесит...

– Незнательность... А ты думаешь, почему сталкеров не хоронят? – мрачно усмехнулся Смычок. – Потому что иной раз и хоронить нечего. Перемелет тебя в кровавый фарш «мясорубка» или в «духовке» спечешься – что тогда в гроб класть? Потому-то и не принято в Зону за мертвецами ходить – мало что не сыщешь, так еще сам, как пить дать, загнешься...

На том они затихли и до самого дома Смычка хранили молчание.

– Ну вот и пришли, – откашлявшись, сказал Костя и, положив руку Зайцеву на плечо, сказал наставительно: – Мой тебе совет, племяш: живи настоящим. А прошлое – оно само тебя всегда настигнет, если судьбой так... если судьба, в общем. Ладно. Бывай.

Подмигнув Гене на прощание, Смычок развернулся и потопал к подъезду.

Однако на душе было погано. Шагая вверх по лестнице, сталкер раз за разом прокручивал в голове странное предположение Зайца: «А что, если он просто нас бросил?» Смычку подобная версия, честно говоря, даже в голову не приходила, но теперь он невольно задумался: а мог ли Колотушка в самом деле так поступить?

Сложно сказать наверняка. Однажды он уже подвел семью, угодив за решетку на долгие четыре года. Когда вернулся, Генке уже исполнилось пять, а на Людку было страшно взглянуть – мешки под глазами, худая, как треска, и курит, как паровоз. Вертелась, бедная, словно белка в колесе, работала семь дней в неделю на восьми работах, пока Колотушка на нарах чалился.

Потом, правда, зажили чуть веселей – по крайней мере Людке теперь не приходилось на своем горбу героически семейство вытягивать, – но не без скандалов, конечно. Женька как-то жаловался, подвыпив, что жена до сих пор припоминает ему за те шальные годы – «что, конечно же, справедливо, но достала уже, просто мочи нет терпеть!». И Генка, по понятным причинам, не раз и не два становился невольным свидетелем этих скандалов. Так что его подозрения вполне резонны, но вот только... верить в них как-то не хочется.

Стараясь не шуметь, Смычок аккуратно вставил ключ в замочную скважину и медленно его повернул. Поморщился, когда язычок, щелкнув, со скрипом спрятался в коробку – давно ведь хотел смазать, да так и не собрался...

В квартире царил полумрак – ни в кухне, ни в комнате свет не горел, только уличные фонари разбавляли темноту тусклым светом, который с трудом пробивался внутрь через шторы. Дамы уже небось десятый сон видят, подумал Смычок, стягивая ботинки. Поставив их на полку, он на цыпочках прокрался в ванную комнату, где долго умывался и придирчиво рассматривал собственное отражение в зеркале.

«Это если я так в тридцать три выгляжу, – размышлял он, – то что же будет в пятьдесят?»

Или пятидесяти вовсе не будет? Тут бы до сорока дотянуть, в самом деле... а вдруг еще одно Расширение, и – пиши пропало? Валить бы надо из этого треклятого Искитима, да только жилье тут копейки стоит, в другом месте на них и не купишь ничего, поди... Смычок разделся до трусов и, швырнув вещи в корзину для белья, пошлепал в комнату, к жене и дочке.

Света спала, отвернувшись к стенке, Вера же на своей кровати сопела в совершенно невообразимой позе. Улыбнувшись, Смычок забрался к жене под одеяло. Она заворчалась, но не проснулась. И хорошо, подумал Костя, с любовью глядя на нее. Мы ведь никого будить не хотим.

Однако телефонная трель, донесшаяся из коридора, грянула в тишине, словно пушечный выстрел, и вся его осторожность мигом утратила смысл.

– Что это? – вздрогнув, простонала Света и сонно покосилась на мужа.

Костя тихо чертыхнулся, когда Вера вслед за матерью открыла глаза и растерянно уставилась на него.

– Пап, уже в садик? – пролепетала она.

– Нет еще. Спи, маленькая, – буркнул он, с неохотой поднимаясь с кровати. – Ложная тревога.

И кому это, интересно, не спится в два часа ночи, размышлял он, бредя в коридор. Может, ошибся кто? Вот будет номер!

– Алло, – неприветливо рявкнул он.

– Дядь Кость... – прошипела трубка голосом Зайца. – А я вам на мобильный пытался, но он вне зоны...

– Гена, ты? – удивился Смычок. – Что случилось?

– Отец... – пробормотал собеседник. – Он...

Пауза.

– Что – «отец»?! – нетерпеливо воскликнул Костя. – Генка, ложись спать, два часа ночи!

– Он... пришел, – с явным трудом выдавил Заяц.

Смычок от такого заявления попросту опешил.

– Куда пришел? Как? Откуда? – Костя зажмурился, замотал головой, словно отгоняя наваждение. – Ты о чем вообще? Ты дома?

– Да... И он вот... тоже.

– Бред какой-то... – прошептал Смычок. – Ложись уже спать, завтра поговорим, когда протрезвеешь!

- А ты... ты не сможешь прийти?
- Прямо сейчас? Или утром?
- Сейчас... Прости, я знаю, что поздно, но...
- Что?
- По-моему... – Гена на миг умолк, а потом резко выпалил: – По-моему, он мертвый. Бледный, как кусок мела, Смычок облизал пересохшие губы и сказал:
- Буду через десять минут.
- А потом с силой швырнул трубку на рычаг.

* * *

– Привет, Кость, – сказала Люда и отступила в сторону, чтобы Смычок смог войти.
– Где он? – спросил сталкер, едва переступив порог.
– На кухне... сидит. – Она беззвучно заплакала и тут же в смущении закрыла глаза ладонью, пряча слезы от гостя.

– Ну будет, будет, – пробормотал Смычок, коснувшись ее плеча. – Сейчас мы во всем разберемся.

Люда ничего не ответила, только отвернулась.

– Дядь Кость! – Из комнаты показался перепуганный Гена. – Слава Богу, ты пришел!

– Отставить сантименты. – Смычок как раз скинул ботинки и пошлепал по коридору.

Он замер в дверях кухни, слегка оторопев от увиденного. Как ни пытайся представить себе встречу с покойным братом, все равно никогда нормально к такому не подготовишься.

Колотушка сидел за столом, неподвижный, сгорбленный. Свет от дешевой китайской люстры под потолком падал на его серое, словно из булыжника высеченное, лицо; Смычок, не мигая, смотрел на ввалившийся рот и замершие, потускневшие глаза. Мертвечиной от ночного гостя не разило, но Костя ни на миг не усомнился, что перед ним оживший покойник.

«Муляж», как их неуважительно именуют между собой сталкеры.

– Ну, здравствуй... брат, – тихо произнес Смычок.

Колотушка даже головы не повернул в его сторону. Оно и понятно: «муляжи» – это все же именно покойники, а не люди; поговаривают, что где-то внутри у них еще теплятся остатки души, но, как эту теорию проверить, не знают даже ученые из МИВК.

Взглядом отыскав свободную табуретку, Костя уселся на нее, лицом к Женьке, и с грустью уставился на брата. Прах последних надежд теперь окончательно развеялся по ветру – Колотушка совершенно точно мертв, а то, что сейчас сидит перед Смычком, не более чем насмешка Зоны над теми, кого она пока еще не поглотила. Словно наглядная демонстрация: видите, чем вы станете, если будете часто ходить по моим землям?

В кухню, крадучись, вошел хмурый Заяц. Прислонившись к дверному косяку, он горестно уставился на покойного отца.

– Так он давно пришел? – спросил Смычок, не повернув головы.

– Мать говорит, около полуночи. Она не знала, что с ним делать,пустила. Он сюда зашел, сел. А потом я заявился, ну и... честно, струхнул, дядя Костя.

– Ничего удивительного, племян, – мрачно произнес Смычок. – Я и сам слегка их побаиваюсь. Хотя говорят, они как будто тепло излучают какое-то, даже лечат.

Зяц лишь неопределенно повел плечом, не зная, что сказать.

– Оставь-ка нас с дядей Костей, сынок. – Протиснувшись мимо Гены в кухню, Люда скользнула к окну, где стояла пепельница с внушительной горой окурков.

– Но, мам...

– Пойди в комнату, – тихо, но твердо сказала она, одарив его красноречивым взглядом. – Нам с твоим дядей надо поговорить. Наедине.

Заяц обиженно цокнул языком, однако подчинился – отклеившись от косяка, скрылся в коридоре. Люда закурила тонкую сигаретку, торопливо затянулась и выпустила струйку дыма в потолок.

– Бедный пацан, – качая головой, сказал Смычок вполголоса. – Полгода маялся, не знал, жив отец или нет, а тут – такое...

– А я не бедная, Кость? – Еще одна затяжка. Нервный смешок. – Он всю жизнь где-то пропадал – то в тюрьме чалился, то в Зону шастал, а потом неделями в баре нашем вонючем сидел – «стресс снимал», как он сам это называл...

– Люд...

– Ну что – «Люд»? Опять начнешь, вслед за ним? – Она изобразила пальцами кавычки. – «Ты не представляешь, что такое Зона»... Да, не представляю. Зато представляю, каково это – одной растить ребенка. В отличие от вас двоих.

Смычок молчал. С женщиной в гневе лучше не спорить – мало что не докажешь ей ничего, так еще и обвинит тебя во всех смертных грехах, едва рот откроешь.

– Два брата-акробата... – презрительно проворчала Люда.

Она шмыгнула носом, затем ткнула бычком в доньшко пепельницы и, обогнув Смычка, закрыла кухонную дверь.

– Я Генке не говорила, – понизив голос, сказала она. – От греха...

– О чем не говорила? – не понял Костя.

– На вот, взгляни. – Люда протянула Смычку смятый лист.

– Что это? – нахмурился Костя.

– Разверни и прочитай, – велела хозяйка.

Смычок нехотя подчинился. Лист оказался из блокнота, синий, в мелкую клетку. Развернув его, Костя прочел: «Спасите! Плачу любые деньги! Я на бердском кладбище!»

– Это еще что за бред? – Костя удивленно посмотрел на Люду.

– А это у Женьки к руке шнурком примотано было, – пояснила вдова. – Причем его-то шнурки, как видишь, на месте. – Она взглядом указала вниз, на Колотушкины ботинки.

– То есть... кто-то... оттуда, – он мотнул головой в сторону окна, – прислал записку с просьбой помочь?

Люда кивнул и невольно поежилась.

– Мистика какая-то... – прошептала она.

– Иначе и не скажешь, – согласился Смычок.

Он с подобным никогда раньше не сталкивался. Кто вообще мог использовать покойного сталкера, как такого почтальона? Другой сталкер? Но зачем ему это? Боится идти назад в одиночку? Тогда чего вообще на бердском кладбище забыл? Разве что в «ведьмин студень» вляпался да без ног остался... но такого уже даже Потрошитель не спасет.

Удивительно бессмысленным послание казалось еще и потому, что муляжи возвращались домой крайне редко – большинство отлавливали на границе бдительные вояки из UFOR. То, что Колотушка добрался до окраины Искитима, – настоящее чудо. Всерьез же надеяться, что отправленное подобным образом «письмо» найдет адресата, и что адресат этот решится помочь – даже за «любые деньги», было бы по меньшей мере глупо.

– Да и не горю желанием узнать, если честно, – добавил Смычок.

Он спрятал записку в карман.

– Выкину по дороге, – в ответ на вопросительный взгляд Люды пояснил сталкер. – Если ты не против, конечно.

– Вообще не против. Дома эту бумаженцию я точно оставлять не хочу. Еще Генка, не дай бог, увидит...

– Да, это точно лишнее, – согласился Костя. – Неизвестно, как он на это письмецоотреагирует. Решит еще, что, поскольку он единственный мужчина в доме...

– Не продолжай, – перебила Люда. – Я поняла, о чем ты. Просто выкинь эту дрянь.

Она с грустью посмотрела на Колотушку, который, сгорбившись, сидел на стуле и стеклянным взглядом смотрел в стену перед собой. Потом, закусив нижнюю губу, взъерошила его седые грязные волосы.

– Странная у нас судьба все-таки, – пробормотала она. Бледная ее ладонь соскользнула вниз, тонкие пальцы коснулись щеки покойника, замерли ненадолго на волевом подбородке. – Первую его зону, человеческую, пережили как-то, дождались папу назад, а вот на второй, инопланетной, сломались... Но он все равно вернулся. Любит, наверное?

– Наверное, – вяло ответил Смычок.

Он не знал, что чувствуют муляжи, чувствуют ли вовсе или же, пропитавшись таинственной энергией Зоны, просто бредут туда, откуда пришли. Пусть Люда сама решает, что привело Колотушку домой.

Пусть думает, что – любовь.

* * *

– Ну, здравствуй, голубчик, – приоткрыв дверь калитки, поприветствовал Офицера хозяин, дружелюбный на вид мужичок с кучей каштановой бородкой и в стильных очках. Говорил он громко, стараясь перекричать лай рвущегося с цепи монстра; назвать подобное лохматое чудище «псом» у гостя язык не поворачивался. – Игорь, верно?

Логвинов молча кивнул. Внешность у него была довольно интересная: лысый, смуглый и коренастый, он до жути напоминал ифрита из восточных сказок. Бородка «клинышком» на круглом лице и холодный взгляд серых глаз только подчеркивали эту похожесть.

– Ну проходи, проходи. – Хозяин мотнул кучерявой головой в сторону покосившегося домишки за спиной. – Пса не бойся, он на привязи. Впрочем, раз сюда пришел, наверняка видал и чего похуже...

Игорь в ответ на колкость улыбнулся самыми уголками губ и, скользнув внутрь, остановился в нескольких метрах от будки. Позади лязгнул засов.

– Чего стопить? Стесняешься? Пойдем-пойдем! – Хозяин увлек его за собой к покосившейся хибаре, не обращая внимания на злобно рычащую собаку.

Внутри дом оказался гораздо красивей, чем снаружи. «Дорого» – именно такое слово пришло на ум Игорю, когда он, не скрывая восхищения, озирался по сторонам. Дорогая мебель. Дорогой ремонт. Дорогой телик на пол стены, дорогая аудиосистема – включи такую на полную громкость, наверное, стекла в окнах полопаются.

– Сюда, – окликнул Игоря хозяин.

Повернув голову, Офицер увидел, что мужчина уже спускается в подвал. Ступая осторожно, будто боясь проломить дорогой ламинат неосторожным шагом, Игорь последовал за очкариком.

Здесь оказалась святая святых Потрошителя – его знаменитая лаборатория, о которой в «Радянте» слагали легенды. Среди самой современной медицинской техники белел операционный стол, на котором за годы практики Потрошитель разделал не один десяток сталкеров. У стола же находилась тележка с инструментом; Игорь невольно поежился, когда представил, как хозяин вонзает громадный скальпель в брюхо очередного бедолаги.

– Ну-с? – Потрошитель резко повернулся вокруг своей оси и пристально посмотрел на гостя поверх очков. – На что жалуетесь?

При этом он потирал руки, словно в предвкушении. Больной, похоже, да притом на всю голову, подумал Офицер, брезгливо глядя на холеные кисти доктора, однако вслух сказал:

– Мне кажется, у меня внутри зараза какая-то живет.

– Вот как? – Потрошитель облизал губы. – И что ж за зараза? Откуда взялась и как себя проявляет?

– Взялась-то известно откуда, – неуверенно хмыкнул Игорь. Лысина его от волнения и жары, царившей в подвале, покрылась крупными каплями пота. – А как проявляет...

Он закатил правую штанину и указал на странные покраснения на икре:

– Вот.

Потрошитель сощурился, потом поморщился и мотнул головой в сторону операционного стола:

– Ну-ка приляг.

Внутри у Игоря екнуло. Сразу оперировать собрался, что ли, мелькнуло в голове, однако Логвинов быстро отмел эту мысль. Нечего там оперировать. По крайней мере пока.

– А еще что-нибудь тебя беспокоит? – изучая ногу пациента, задумчиво спросил Потрошитель.

– Да вроде как нет, – неуверенно отозвался лежащий на животе Логвинов.

– Ну что тебе тогда сказать, голубчик... – Доктор потешно зашлепал губами, словно рыбка в аквариуме. – Пока живи, а дальше посмотрим.

– То есть... вы ничего делать не будете? – нахмурился Игорь.

– А что тут сделаешь? – пожал плечами хозяин. – Нет, я могу, конечно, от греха подальше ногу эту тебе ампутировать...

– Нет-нет, ампутировать не надо! – поспешно воскликнул Офицер.

– Но оснований для таких радикальных мер, признаться, не вижу, – игнорируя пациента, закончил фразу Потрошитель.

– Я думал, может, есть какие-то лекарства...

– Ты бы лучше рассказал, что вообще с тобой приключилось, – сказал доктор, строго посмотрев на Игоря. – Куда ты вляпался этой ногой?

– Да никуда.

– То есть она ни с того ни с сего покраснела?

– Ну да.

– А почему ты сюда тогда пошел, а не в обычную поликлинику? – переварив услышанное, спросил Потрошитель.

– Я и пошел вначале, – терпеливо объяснил Логвинов. – Они говорят, простое раздражение, мазь прописали. Ну а я перепроверить хотел, вот к вам и пришел.

– Что ж, оно, конечно, похвально, что ты, голубчик, так о своем здоровье печешься, – с усталым вздохом признал доктор. – Только вот, если реально не хочешь какой-нибудь лютой дрянью заразиться, просто ходи в Зону пореже, ладно? Или даже вообще не ходи.

Игорь угрюмо кивнул и, перевернувшись на спину, сел.

– Сколько я вам должен? – спросил он, спрыгнув со стола на пол.

– Давай за осмотр штуку и проваливай, – милостиво разрешил Потрошитель. – А вот, если мази не помогут, недельки через три опять приходи, будем думать.

Сказав это, он мигом потерял к гостю всякий интерес.

* * *

На обратном пути Игорь решил заглянуть в гости к брату Сереге. Тот жил как раз неподалеку от частного сектора, где находилась хибара Потрошителя. Серега уже давно звал брата в гости, то ли на чай, то ли на выпить-закусить, а Игорь все время обещал зайти, но так до сих пор и не собрался. А тут – отличный повод: со здоровьем, судя по всему, полный

порядок, потому и настроение отличное, и желание поделиться радостью с родным человеком прямо-таки распирает изнутри.

«Надо б звякнуть, вдруг не дома?» – пришла в голову дельная мысль.

Однако мобильник брата оказался выключен. Наверное, валяется где-то, разряженный, а Серега о нем и думать забыл. Зайду в любом случае, решил Игорь, все равно ведь рядом.

Удачно прошмыгнув в подъезд вслед за сторбленной годами старушкой, Игорь устремился вверх по лестнице. Пенсионерка проводила его хмурым взглядом выцветших глаз: чужаков тут явно не жаловали. Лифта Офицер ждать не стал, воспользовался лестницей: Серега жил невысоко – на третьем.

Уже поднося палец к звонку, он увидел, что дверь не заперта.

«Наверное, только пришел», – решил Игорь.

Он взялся за ручку и потянул на себя.

Вид, который ему открылся, мягко говоря, удивил.

В коридоре царил бедлам, как после небольшого землетрясения. Книжки, картины, обувь и одежда с вешалок – все это было хаотично разбросано по полу. Предчувствуя неладное, Игорь бочком протиснулся между опрокинутым пуфиком и книжным шкафом и заглянул в комнату, потом в кухню и в ванную с туалетом. Никого. Свет везде выключен.

Где Серега?

Он повернулся к горе хлама.

И что же здесь, интересно, приключилось?

Вытащив из кармана телефон, он хотел еще раз набрать номер брата, когда из чулана донесся неясный звук. Секунду спустя звук этот повторился, но гораздо тише. Однако Игорь уже понял, что в кладовке кто-то есть. На цыпочках, стараясь не шуметь, он устремился к серым дверкам. Когда до цели оставалось метра два, не больше, створки внезапно распахнулись, и на Офицера уставился ствол пистолета.

– Не дергайся, – велел хмурый тип лет двадцати пяти – двадцати шести, в темно-коричневой куртке, потертых джинсах и черных кроссовках.

Игорь послушно замер.

– Ты чо тут забыл? – спросил незнакомец, шагнув вперед.

Офицер хранил молчание.

– Чо, язык проглотил? – прикрикнул на собеседника хмурый. – Чо надо, вообще?

Логвинов мотнул головой.

– Шуруй давай, – уверенно заявил тип, разминая шею. – Ну проваливай!

Забывшись, он сделал еще один шаг в направлении Офицера, и эта ошибка оказалось роковой.

Когда их разделяло два метра, Логвинов боялся форсировать события – мало ли, выстрелит еще да сдуру и попадет. Но, когда незнакомец приблизился чуть ли не вплотную, Офицер решил рискнуть.

Шаг в сторону, левой ладонью вывернуть ствол в потолок. Большой палец правой руки мимолетным движением ставит пистолет на предохранитель; хмурый запоздало пытается нажать на спусковой крючок, раз, другой – безрезультатно. Прежде чем он понимает, что произошло, правый локоть Офицера со всего размаха врежется в его левую скулу. Выпустив пистолет, незнакомец буквально отлетает в сторону и со всего размаха врежется спиной в приоткрытые дверцы кладовки.

– Хватит! Хватит! – возопил хмурый, закрываясь руками. Кровь из рассеченной скулы стекала вниз по щеке.

– Где Серега, сволочь? – Сунув пистолет в карман, Игорь наклонился к мерзавцу, ухватил его за грудки и несколько раз хорошенько встряхнул. – Отвечай, живо!

– Какой Серега? Какой? – спросил ублюдок. Казалось, он вот-вот заплачет. – Не знаю я никакого... Сереги!

– Хватит гнать! – прорычал Игорь сквозь стиснутые зубы. Гнев буквально распирает его изнутри. – Где хозяин квартиры?

– Я... да я без понятия... я тут так... ничо не решаю...

– Что ты не решаешь? Что?! Говори! – ревел Офицер, продолжая трясти незнакомца.

В этот момент за спиной со скрипом открылась входная дверь.

– Петруччо, ты тут чо... – слышался мужской голос.

Игорь оглянулся через плечо: еще один парень, примерно сверстник первого, бритый под ноль, стоял на пороге с пистолетом в руке. Их взгляды встретились. Казалось, они смотрят друг на друга целую вечность.

А затем парень вскинул руку с пистолетом.

Игорь прыгнул влево, упал на кухонный пол, однако выстрела не последовало.

– Деру, Кнопа! – проорал побитый Петруччо и опрометью бросился прочь из квартиры.

Игорь, спешно вытащив из кармана трофейный пистолет, направил его в дверной проем – на случай, если незваные гости все-таки решат вернуться и его прихлопнуть. Однако те, судя по воцарившейся в квартире тишине, сочли за лучшее просто свалить, пока более-менее целы.

Офицер поднялся, осторожно выглянул в коридор: никого. Входная дверь распахнута настежь, благо хоть соседи не повылазили, а то бы замаялся объясняться... Все еще надеясь догнать сбежавших ублюдков, Игорь побежал вниз по лестнице, прыгая через пять ступенек за раз.

Ему не повезло: когда он, запыхавшийся и помятый, буквально вывалился из подъезда, снаружи не было ни души. Чуть поодаль, на парковке, стояло несколько машин, и Игорь добросовестно обошел их все, заглядывая в окна в робкой надежде отыскать мерзавцев, но тщетно. Чертыхнувшись – «упустил!» – Игорь снова нырнул в подъезд и мрачно побрел на третий этаж.

Вернувшись в квартиру Сергея, Логвинов первым делом обтер рукоять пистолета тряпичей, в нее же ствол и замотал, после чего спрятал получившийся сверток обратно в карман куртки. Затем он заглянул в чулан и увидел, что на полу лежит чей-то дешевый мобильник.

Бинго?

Однако радость оказалась преждевременной.

К сожалению, падение не прошло для телефона бесследно: судя по абсолютно белому экрану, матрица благополучно лопнула, и историю вызовов Игорь посмотреть уже не мог.

А вот сообщения...

Спрятав свой мобильник в карман, Офицер поддел заднюю крышку найденного аппарата ногтем и с трудом обнажил батарейку. Телефон был достаточно древний, с одной-единственной симкой. Вытащив ее из гнезда, Игорь отбросил бесполезный аппарат в сторону и зарядил карту в свою трубку. Оставалось надеяться, что владелец хранил сообщения не в памяти телефона, а на симке.

Так и оказалось. Однако среди отправленных сообщений ничего примечательного не нашлось. А вот в черновиках любопытная эсэмэска имелась:

«Груз у нас. Везем в Боровой».

Игорь нахмурился. Прочел еще раз. Под «грузом» они, вероятно, понимают самого Серегу. Но какое отношение к заброшенному поселку в Зоне имеет его брат? Или он тоже в сталкеры подался?

Не зная, что и думать, Игорь залез в память симки и с удивлением обнаружил, что на ней вообще нет номеров. Неужели все хранилось в памяти телефона? А может, это был «одноразовый мобильник», который отморозок собирался выкинуть, едва выйдет из квар-

тиры? Хотя какая теперь разница? Все, что у Офицера есть, – это эсэмэска, которую неизвестный так и не отправил... кому? Шефу? Подельникам? Или нанимателю?

Убедившись, что иных ответов на симке не найти, Игорь спрятал телефон в карман и снова зарылся в кучу хлама. После он облазил все комнаты, заглянул под шкафы, столы и диваны, под ванну и за бачок в туалете, но так ничего больше и не нашел.

Закончив с осмотром, Игорь без сил опустился на старый диван в гостиной, облокотился на колени и сплел пальцы рук перед собой. Итак, Сергея похитили. И те парни, Петруччо и его дружок Кнопа, если он верно истолковал сообщение на «симке», имеют к этому самое прямое отношение.

Но только зачем вообще похищать Сергея? Он небогат, да и родственников у него всего двое – брат в Искитиме и отец в Екатеринбурге, ни тот ни другой тоже в списке «Forbes» не числятся, да что там – у обоих и постоянной работы-то нет. Из всех троих Логвиновых – не считая покойной матушки – Сергей был самым толковым. В Зону, подобно брату, не шастал, трудился пять через два и ежемесячно получал довольно скромную, но вполне легальную зарплату.

И тут – на тебе.

Игорь покосился в сторону двери. Замок цел – то ли виртуозная работа отмычкой (что маловероятно), то ли Серега сам их впустил (возможно, знал похитителей).

Выключай ты уже этого внутреннего мента, осадил себя Игорь. Прошло то времечко, в органах ты давно не работаешь. Да и от рассуждений этих никакого толка по большей части: вы с Серегой хоть и созванивались периодически, хоть и захаживали друг к другу иногда, но общего у вас на самом деле не больше, чем у бывших одноклассников.

Но тогда что вообще делать дальше? Вызывать бывших коллег? А смысл? Следы борьбы в коридоре? Так на всех вещах практически – твои же, дорогой мой Офицер, отпечатки. Это ты знаешь, что случилось что-то нехорошее, потому что самолично столкнулся с двумя вооруженными отморозками. Ментам же еще докажи, что тут криминал. И, даже если докажешь, как они помогут брату, который, возможно, к вечеру уже окажется в Зоне? Расскажут о своих предположениях ФСБ? Мол, там у нас человека предположительно в поселок Боровой везут неизвестные злоумышленники, не могли бы вы посодействовать? А фээсбэшники, конечно же, люди в большинстве своем отзывчивые и совестливые, тут же побегут в самое сердце Зоны, дабы спасти одного-единственного пленника, которого, возможно, в указанном месте даже нет. Игорь невольно поморщился – до того нереальным казалось подобное развитие событий. Он немало пожил и потому давно не верил в сказки.

Так что же теперь? Самому идти в Боровой?

Логвинов закусил нижнюю губу.

Во что же ты ввязался, братишка? Почему не рассказал о своих проблемах? И кто те два отморозка, которые ошивались у тебя дома?

Видимо, ответы можно найти только в поселке на окраине Бердска.

Игорь резко встал и устремился к двери.

* * *

Мыча под нос услышанный в «РадIANте» мотивчик, Смычок брился. Он терпеть не мог этот акт самоистязания, однако колючую щетину – особенно на шее! – любил еще меньше.

В тот самый момент, когда он силился тупым древним станком выбрить подбородок, из комнаты раздался душераздирающий крик. Рука дрогнула, лезвие порезало кожу, царапина стало набухать кровью. Чертыхнувшись, Костя швырнул станок в раковину и, как был, в одних трусах, бросился в комнату.

Вера сидела на кровати и верещала, будто сумасшедшая.

– Что случи... – начал было Смычок, но осекся на полуслове.

Вопрос отпал сам собой. За ночь волосы девочки из русских стали абсолютно седыми. Пятилетняя девочка. Абсолютно седая. Смычок просто дар речи потерял.

– Верочка, солнышко... – Он метнулся к ней на кровать, обнял, прижал к себе и, поглаживая по седой голове, стал успокаивать:

– Ну тише, тише, маленькая... все будет хорошо...

– Папа, что со мной? – сквозь слезы пролепетала Вера. – Я вчера... вчера они такие не были!

– Тише, милая, тише... – бормотал Костя.

Глаза его предательски блестели в лучах утреннего солнца.

Все-таки настигла, добралась и до них проклятая зараза! Когда Вера только родилась, он все ждал. Но она росла на удивление здоровой, и потихоньку тревога стала сходить на нет... получается, рано обрадовался, дуралей. У иных детей давно вышедших на пенсию сталкеров и в двадцать, и в тридцать лет отклонения начинались. Кто-то плотно садился на дорожные блокаторы, вроде иралиума, а тот, кто победней, мог и за месяц превратиться из человека в нечто, человека даже близко не напоминающее. И Смычок знал: никто не скажет наверняка, сколько в запасе у Веры – неделя или двадцать лет. Ясно лишь, что процесс запущен. И если пустить все на самотек – например, воспользоваться краской для волос и забыть о случившемся, как о страшном сне, – рано или поздно их прелестная дочурка превратится в жуткое порождение Зоны.

В коридоре щелкнул замок, со скрипом открылась входная дверь: это Света вернулась из магазина.

– Всем привет, – пропела она из коридора.

– Привет, – буркнул Костя.

– Привет, мам... – пролепетала Вера.

– И что это вы тут делаете? – поравнявшись с дверным проемом, спросила Света с безмятежной улыбкой.

Однако стоило ей взглянуть на Веру, как от бывшего веселья не осталось и следа. Пакеты с продуктами выпали из худых рук, по полу в разные стороны покатались апельсины и яблоки.

– Такие дела, – с трудом выдавил Смычок, продолжая гладить дочь.

* * *

– Ну вот и аукнулось, Кость, – мрачно сказала Света, даже не глядя на мужа. – Вот и сказались твои прогулки туда...

Смычок и без того сидел как на иголках, а тут едва не взорвался. Если бы не дочка, сидевшая между ними на лавке, наверняка бы сказал жене пару ласковых, но, глядя на седые Верины кудри, лишь проворчал:

– Как будто ты в лучшее не верила...

– Я-то? – Из груди Светы вырвался нервный смешок. – Да я просто жила ради тебя, ради нее... какая в Искитиме надежда?

Дверь кабинета приоткрылась, и наружу выглянула пухлощекая медсестра в явно жмущем ей потасканном халатике.

– Смычковы следующие, – гундосо объявила она и скрылась, не озаботившись даже узнать, тут ли эти самые Смычковы.

– Ну вот и очередь подошла, – почти облегченно сказал Костя.

Поднявшись, он взял дочку за руку и повел к кабинету. Света последовала за ними, сложив руки на груди и нахмурившись.

– Итак, – сказал врач, пожилой мужчина далеко за пятьдесят, морщинистый и сутулый, записав данные юной пациентки, – на что жалуетесь?

– А вы сами не видите? – осведомился раздраженный Смычок. – Ей пять лет, а она седая.

– Да уж, тут явно непорядок, – согласился врач, окинув девочку задумчивым взглядом. – Как же так вышло?

– Уснула нормальной, проснулась седой, – нехотя рассказал Костя.

– Интересно... – Доктор записал что-то в толстый журнал, после чего, опираясь на столешницу, поднялся и потопал в соседнюю комнату со словами: – Пойдем со мной, Вера. На минуточку.

Девочка испуганно посмотрела на папу. Тот едва заметно кивнул и прошептал:

– Не бойся, малышка. Все будет хорошо. Это же доктор. Он тебя не обидит.

Вера посмотрела на маму, и та с донельзя фальшивой улыбкой закивала, подтверждая слова отца. Девочка вздохнула, но спорить не стала.

Пропустив девочку вперед, врач закрыл дверь, и Света с Костей остались наедине.

– Как думаешь, ее теперь в карантин поместят? – обеспокоенно спросила жена, нарочно разглядывая плакаты, которыми увешаны были стены кабинета, чтобы только не смотреть Косте в глаза.

– Да не должны еще... наверное, – пожал плечами Смычок.

– И я думаю, что не должны, – тихо отозвалась Света. – Интересно, а если бы мы куда-то переехали, ну, скажем, до ее рождения или, например, сразу после... это что-то изменило бы?

– Сомневаюсь, – честно признался Костя.

– Ирония судьбы какая-то, – покачала головой жена. – В Зону ходишь ты, а болячки – у Веры...

– Свет...

– Я тебя ни в чем не обвиняю, Кость. Но просто... просто как-то несправедливо это, согласись: ребенок к Зоне и близко не подходил, а все равно страдает.

– Ты так удивляешься, как будто сама еще ребенок, – поморщился Смычок. – Если кто-то из родителей в Чернобыле жил, потомство у него может быть как хворое, так и здоровое, это общеизвестный факт. И что? Им теперь вообще детей не иметь? Так же и с Новосибирской Зоной. Ну наведывался. Приходилось. Не обошло стороной. Бывает.

– Да понятно, что бывает, – грустно глядя на мужа, сказала Света. – Вот только Вере от этого не легче. Ей теперь всю жизнь с этим бороться.

– Справимся, – выдал Смычок.

Хотел приободрить, но вышло неубедительно. Так и стояли дальше, в гнетущей тишине, не зная, что сказать, пока Вера с врачом не вернулись.

– Ну что там, доктор? – нетерпеливо осведомился Смычок.

Доктор пристально посмотрел на Костю исподлобья, потом перевел взгляд на Свету и сказал:

– Госпожа Смычкова, вы нас наедине с вашим мужем не оставите?

Та только плечами пожала, немного удивленная такой просьбой.

– Прошу вас, – с нажимом добавил врач.

– Пойдем, Вера. – Света поманила дочку к себе, взяла за руку. – Папке надо с врачом побеседовать, а мы пока его снаружи подождем...

– Со мной все будет хорошо, мам? – услышал Смычок, когда дверь уже закрывалась.

Сердце его сжалось, будто под прессом. Он с надеждой посмотрел на доктора – вдруг он сейчас скажет, что это все-таки не наследие Зоны, не пресловутая болезнь Руффа, которая будет прогрессировать день ото дня?

Врач смерил Костю оценивающим взглядом.

– Вы можете не отвечать, – медленно произнес он, – но... вы ведь бывали в Зоне, так? Смычок промолчал. Внутри все похолодело: он, естественно, понял, к чему клонит врач.

– Молчание – знак согласия? – невпопад усмехнулся доктор. – Ладно. В широком смысле это, в общем-то, уже неважно. И – да, безусловно, Вере предстоит еще сдать некоторые анализы, чтобы мы могли убедиться наверняка... но я не первый день тут работаю, господин Смычков, и подобное видел не раз, не два, и даже не десять. У вашей дочери определено болезнь Руффа. Сожалею.

Последние слова буквально выбили почву из-под ног Смычка. Все, что предшествовало приговору, он съел не морщась. Но после заключительной фразы сохранять бесстрастное выражение лица стало куда сложнее.

– Что мы можем сделать? – спросил Костя. От волнения язык заплетался, как у пьяницы.

– Есть ряд блокаторов, – шумно выдохнув, сказал доктор. – Иралиум, например, подойдет для более легкой формы. Как у вас. Стоит этот препарат, врать не стану, очень и очень недешево, но все, что дешевле, не даст нужного эффекта. Так, если Вера будет принимать иралиум регулярно, велика вероятность полной ремиссии. Однако стоит вашей дочери прекратить употребление «блокаторов», и болезнь тут же проснется вновь.

Все, что говорил врач, Смычок знал и до этого. В глубине души он надеялся услышать о свежеизобретенном лекарстве, которое могло навсегда излечить Веру, а в итоге лишь убедился, что жизнь дочери уже никогда не будет прежней.

– Ее хотя бы в карантин не поместят? – спросил сталкер глухо.

– Пока что в этом нет необходимости, – покачал головой доктор. – Отклонения не катастрофические, а в интернате мест не так уж много, чтобы отправлять туда всех без разбора. Это, как говорится, хорошая новость. Плохая состоит в том, что я должен буду сообщить о постановке на учет еще одного пациента с первой стадией болезни Руффа, так что в конечном итоге информация будет передана в местный филиал Миграционной службы.

Костя невольно скривился. Любой сталкер знал – где Миграционная служба, там и Бюро... А уж если тамошние «энтузиасты» об их семейной трагедии прознают, не избежать Смычку многочисленных допросов с пристрастием.

– Я, признаться, подробностей не знаю, – тут же оговорился врач. – Но, как правило, если отклонения незначительны, как в случае с Вериными волосами, бить набат никто не станет. Главное, своевременно начать лечение и, по возможности, купировать болезнь. Я сейчас вам напишу, какие анализы следует сдать, и если диагноз подтвердится, то вы придете ко мне снова. Я вам выпишу рецепт на иралиум с указанием дозировки и заведу историю болезни...

Были бы еще на все это деньги, подумал Костя, глядя на врача. Ценник у этого иралиума, как он уже понял, мама не горюй, хоть ложись и умирай сразу, похороны дешевле обойдутся.

Внезапно Смычок вспомнил о странной записке, которую ему отдала Люда. Послание из Зоны до сих пор лежало в нагрудном кармане куртки. «Спасите! Плачу любые деньги! Я на бердском кладбище». Может быть, это как раз оно? Тот самый крохотный шанс хоть на какое-то время уберечь дочь от треклятой болезни Руффа?

Покидая кабинет доктора, Смычок уже знал, что он снова пойдет в Зону.

И на этот раз Маяком его путешествие не ограничится.

* * *

Потасовки в «Радианте» были делом вполне обычным. По крайней мере они не вызывали у собравшихся никакого удивления. Ну дерутся и пусть с ними, надоеет – перестанут, сядут да выпьют, еще и посмеются над собой.

И все-таки, входя в бар, Логвинов меньше всего ожидал увидеть, как Гусь метелит какого-то крайне бородатого и не слишком трезвого мужика – то ли поклеванного Зоной сталкера, то ли обычного алкаша. Окружающие взирали на происходящее с ленцой, да и сам избиваемый, казалось, не слишком-то сопротивлялся.

– Проваливай отсюда и больше не появляйся, – прорычал Гусь, ухватив бедолагу за грудки и притянув к себе его помятую физиономию. – Понял меня?

– Угу, – промычал бедолага.

Гусь удовлетворенно кивнул и оттолкнул мерзкого мужика от себя, да так, что бедолага не удержался на ногах и шлепнулся на пятую точку, чем вызвал у некоторых посетителей скупую полуулыбку.

Гусь демонстративно отряхнул руки и, пройдя к стойке, уселся на табурет. Мужик же с трудом поднялся и поплелся к дверям, потирая ушибленный зад. Проводив незнакомца хмурым взглядом, Логвинов подошел к другу и опустился на свободное место рядом с ним.

– За что это ты так беднягу, Сёма? – без предисловий спросил он.

– Пытался у меня бумажник стырить, – усмехнулся Гусь. – Решил, видно, что я еще пьяней его! Нет, ты бы видел только... – Он прыснул и от переизбытка эмоций хлопнул себя ладонями по бедрам. – Вот уж хохма! Сижу себе, потягиваю коньяк, а тут рука – хоп! – и прямо ко мне в карман. В джинсы. Представляешь? В передний карман джинсов!

– Ну перепил мужик, с кем не бывает, – пожал плечами Игорь.

В иное время он наверняка бы посмеялся, однако все мысли сейчас были заняты пропажей Сергея.

– Нет, нам такие в «Радианте» не нужны, – уверенно заявил Семен, мотая головой. – Скажи, Парфюмер?

Хозяин бара, одарив его насмешливым взглядом, важно кивнул.

– Вот и я о чем! – воскликнул Гусь. – Так, а ты сюда какими судьбами, Игореш? Выпить-закусить? Или как?

Логвинов покосился на протирающего стаканы Парфюмера и вполголоса сказал:

– Давай в углу присядем, побалакаем.

Гусь дураком не был, по два раза не переспрашивал – молча подхватил бутылку со стаканами и устремился к пустующему столику у окна вслед за другом. За соседним беседовали двое сталкеров; с одним, Сурком, Игорь был шапочно знаком, а вот второго видел едва ли не впервые.

– Плеснуть? – предложил Семен, когда они уселись за стол.

– Грамм пятьдесят, разве что, – откашлявшись, выдавил Игорь.

Друг начислил, и они молча выпили.

– Так что у тебя приключилось? – шумно выдохнув, поинтересовался Гусь. – Хабар имеется?

– Да какой хабар? – отмахнулся Игорь. – Сам будто не знаешь, что я уже полгода в Зону ни-ни.

– Ну да, помню, – саркастически произнес Гусь, – с тех пор как твою ногу поразила неведомая, но явно чудовищная зараза... Ты как, кстати, к Потрошителю ходил сегодня? Чего не рассказываешь?

– Потому что нечего, – признал Игорь неохотно. – Осмотрел меня, сказал, что ничего криминального в ноге нет...

– Ну а я тебе что говорил?

– Да черт с ней, с ногой, – раздраженно проскрипел Логвинов.

Он воровато огляделся по сторонам и, склонившись к столешнице, прошепел:

– У меня брат пропал.

– В смысле – «пропал»? – не понял Гусь.

Логвинов, продолжая озираться, вкратце рассказал о своем походе в гости к Сереге. Гусь слушал, не перебивая, лишь хмурился и качал головой, когда Игорь описывал потасовку. Вскоре Офицер закончил, и воцарилась напряженная тишина.

– Да ерунда это какая-то, Угорь, – послышалось из-за соседнего столика.

– Ничего не ерунда. Так Коллекционер и появился, – упрямо возразил другой голос, хриплый и прокуренный.

– Не знаю, кто тебе эту байку рассказал, но...

– Да говорю ж тебе – никакая это не байка, Сурок, ну епсель-мопсель! – крайне возмущился Угорь. – Жил мужик, «черным» сталкером был. Родился у него сын с дефектами жуткими... ну с болезнью Руффа, а ежели по науке совсем, то дифферент. Так вот, чтобы на лекарства не тратиться, сталкер этот в Зону его занес, гаек жменю насыпал и был таков.

– А в Интернат сдать не судьба была?

– Да в те годы, когда это приключилось, «зомбария» тут и в помине не было, – усмехнулся Угорь. – Только и оставалось жить с этим чудом, не зная, что ему на ум придет. Ну дичь ведь, дичь! И вот мерзко, паскудно вроде поступил мужик, а ты с другой стороны глянь – бегают теперь этот ущербный сынишка по Зоне да гайки собирает, сталкерами оставленные. Санитар Зоны, мать его ети...

– Что за бред? – брезгливо бросил Логвинов, оглянувшись на спорящих сталкеров. – Откуда вообще пошла эта дурацкая сказка про Коллекционера?

– Да оттуда же, откуда про шатуна, – отмахнулся Гусь. – И про остальные штуки-дрюки. Кто-то в «кино» попадет, посмотрится там всякого, а потом, чудом выбравшись, с пеной у рта всем доказывает, что ему это не привиделось. Обычное дело.

– Ладно, чего я, и вправду, завожусь по пустякам? – шумно выдохнув, сказал Игорь. – Все из-за Сереги, походу...

Он махнул еще пятьдесят грамм и, облокотившись на стол, закрыл лицо ладонями.

– Да уж, дела, – сказал Гусь с кислой миной. – Главное, непонятно, кому и зачем тащить его в Зону? Он ведь не сталкер, не дифферент. Обычный мужик.

– Я сам концов не нахожу, старик, – мрачно произнес Логвинов, убирая руки. – Поэтому и пришел к тебе. Во-первых, две головы всяко одной лучше. Во-вторых, твоя голова куда холодней моей. Речь ведь о брате, не о чужом человеке. Я, веришь, хотел прямо от него рвать в Зону, еле-еле сдержался.

– В Зону спешить не стоит, это да. Она, тварь такая, только и ждет, когда ты забудешься и прямиком в очередную аномалию вляпаешься.

– Вот и я так подумал. Но, честно сказать, кроме как в Боровой идти, других вариантов в упор не вижу. А ты?

– Ну тут, как бы, и впрямь довольно очевидно все, – повел плечом Гусь. – Я даже и не знаю, что предложить. Единственное, можно, конечно, по старой дружбе к ребятам обратиться и без афиши состряпать ориентировки, чтобы они поискали этих говнюков. Да только если твоего брата действительно в Зоне держат, то, пока мы в Искитиме их следы отыщем, он уже скопытится успеет.

Логвинов кивнул. Это он понимал прекрасно. Зона терпит чужаков, но недолго. Поговаривали, что там и вовсе нельзя находиться дольше двух недель, но понять, откуда взялся

такой точный срок, никто не мог. Возможно, это была очередная байка, вроде той, которую хрипый Угорь только что поведал Сурку, однако проверять на собственной шкуре правдивость «теории четырнадцати дней» никто особенно не рвался. Интерес интересом, а жизнь всего одна.

– Так что надо нам идти в Боровой, – подытожил Гусь. – Предлагаю отправиться завтра спозаранку.

– Нет, погоди, – нахмурился Игорь. – Ты о чем сейчас вообще? Ты со мной собрался, что ли?

– Ну да. А что тебя так удивляет?

– Я пойду один, старик, это не обсуждается.

– Да чушь собачья, – поморщился Семен. – Мы ж кореша, забыл? А кореша в трудную минуту не бросают, не имеют права бросать. Тем более, ты полгода в Зоне не был, небось уже и не помнишь, где что...

Игорь уставился на стакан, который последние минуты три бесцельно вертел в правой руке.

– Спасибо, старик, – произнес он глухо, будто издалека. – Ты настоящий друг.

– Ну ты еще поплачь, – хохотнул Гусь. – На вот, в жилетку мою высморкайся...

– Пошел ты к черту, – беззлобно огрызнулся Логвинов. – И вообще – сначала купи жилетку, а потом предлагай...

Настроение заметно улучшилось, будто они не в самое опасное место на Земле собрались отправиться, а в какой-нибудь Диснейленд.

Впрочем, не зря же в старой песне поется: «Если с другом вышел в путь, веселей дорога»?

* * *

– Ты нож мой не видела? – проорал Смычок из комнаты.

– Не видела, – ответили из кухни.

– Замечательно... – пробормотал Костя. – Просто шик и блеск...

Он упер руки в боки и огляделся, пытаясь вспомнить, куда засунул отличный складной нож. Может, на антресоль закинул, решил он и пошел в кухню.

Света жарила оладушки. Судя по распухшим глазам, она снова плакала. Смычок открыл было рот, намереваясь сказать что-то ободряющее, однако своевременно осознал, что никакими словами боль в душе жены не излечить, и потому смолчал. Хорошо хоть Верочка еще совсем маленькая и не понимает до конца, что с ней случилось. А хитрецы-родители пока не открыли всей правды, сказали только, что «это такая твоя особенность», и больше – ни слова. Может, оно, конечно, и правильно, к чему дочь детства лишать, сразу обещая ей «вечную борьбу со страшной болезнью». Да только на душе так погано, будто обещаешь увеселительную прогулку человеку, которого ведут на эшафот.

В итоге не смеется никто.

– Нашел, – буркнул Смычок, встав на табуретку и заглянув на антресоль.

– Молодец, – безучастно отозвалась Света.

Он спрятал нож в карман, вернулся в комнату, так и не решившись подойти к жене, обнять, пообещать, что все наладится. Может, просто устал ей врать? Говорить о чудесном грядущем, зная, что плохое только начинается, – это ли не верх лицемерия?

– Пап?

Услышав голос дочери, Смычок невольно вздрогнул. Повернув голову, увидел, что Вера осторожно заглядывает внутрь через узкую щель между приоткрытой дверью и косяком.

– Да, заяц? – Он пытался быть приветливым, но получалось не слишком. Всего лишь еще одно новое лицемерие, сколько ж можно, в самом деле? – Что ты хотела?

– Ты опять уходишь? – с грустной миной поинтересовалась Вера.

– Папе надо работать, – уклончиво ответил Смычок.

– А почему ты не можешь, как мама, утром уходить и приходить вечером? – напрямик, как и положено ребенку, спросила девочка.

– Ну работа такая у папы, – пожимая плечами, неуверенно ответил Костя. – У мамы – дневная, у папы... ну по-разному, заяц.

– А ты не хотел бы работу как у мамы? – умоляюще протянула девочка, хлопая длинными – вся в Светку, ей-богу! – ресницами. – Ну чтобы днем только, а вечером – домой?

– Хотел бы, – со вздохом признал Смычок совершенно искренне. – Но меня на такую не берут, золотце.

– А почему? – не унималась Вера.

– Ну а ты сама подумай? – Костя махнул рукой в сторону кухни. – Вон у нас мама какая красивая. Красивая ведь?

– Ага, – охотно согласилась девочка.

– Ну вот. А папе, как видишь, до мамы в плане красоты – как обезьяне до человека, – кивнув, продолжал Смычок. – Вот потому никто меня на работу для мам и не берет. Теперь поняла?

– Ну ты тоже не страшный, – попыталась успокоить отца девочка. – Просто не такой красивый, как мама.

– Ну, может быть, ты и права. – Костя невольно расплылся в улыбке: милая, добрая Вера... – Ладно, заяц, мне собираться надо. Давай дуй к маме, она там как раз наши любимые оладушки варганит. Может, урвешь горяченький...

– Оладушки? – переспросила девочка.

Через секунду ее словно ветром сдуло.

Улыбка медленно сползла с лица Кости. Каждый раз, уходя в Зону, он боялся, что, возможно, никогда больше не увидит ни жену, ни дочь. Каждый раз, все-таки возвращаясь, мысленно ликовал.

И вот – очередное путешествие, очередной риск. Как в сказке – иди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что. Только вот для сказки там, в Зоне, слишком много крови и боли, слишком много внеземных капканов, которые безжалостно и моментально расправляются с очередным Иваном-дураком, случись ему оступиться.

– Кость, к тебе Генка пришел, – сказала жена, внезапно открыв дверь.

Смычок так и замер. Медленно повернув голову, он уставился на племянника, выглядывающего из-за Светинога плеча.

– Я, наверное, не вовремя? – взглядом пожирая вещмешок в руках Кости, спросил Заяц.

Догадался, племянничек. Не обо всем, конечно, но о главном. Смычок готов был взвыть от бессильной злобы. Не на Гену или Свету. На себя. Разве не мог он предположить, что племянник решит заглянуть к нему в гости? С кем же еще Гена может обсудить странное возвращение покойного отца, как не с дядей Костей, выдавшим виды сталкером и просто хорошим мужиком?

Надо было сразу эту дружбу пресекать, мрачно подумал Смычок. От греха. Нет же – поддался на уговоры баб, им пацана жалко, ребенку нужен отец, все дела... Только вот никто не подумал, что пацан в том возрасте, когда еще хочется и уже может совершать любые глупости, какие только придут на ум.

– Мог бы и позвонить, – грубовато буркнул Костя, расстегивая боковой карман. – Ночью вот не постеснялся, а сейчас чего?

– Да я как-то... не думал даже. – Заяц пожал плечами, растерявшись от такого недружелюбного приема.

– Вот это и плохо, что ты не всегда думаешь, – продолжал Смычок.

– Костя... – прошипела Света, скорчив недовольную мину – мол, заканчивай к парню цепляться, какая муха тебя укусила?

– Ну заходи, раз уж пришел, – устало вздохнув, сдался сталкер.

Света одними губами сказала «Спасибо» и удалилась на кухню, оставив их наедине.

– Так вы опять... туда? – неуверенно спросил Гена, переступая порог комнаты.

– Как видишь, – буркнул Смычок.

Он возился с застрявшей в петле пуговицей.

– Это не с отцом случайно связано? – внезапно спросил Заяц.

Костя поднял голову и хмуро посмотрел на Генку. Тот смущенно потупил взгляд.

– Да нет, – сказал Смычок, возвращаясь к своему занятию. – При чем тут он?

– Просто я слышал, о чем вы с матерью говорили, – шумно сглотнув, признался Гена.

Смычок в сердцах швырнул вещмешок на кровать и шагнул к племяннику. Тот попятился, напуганный дядиной реакцией, даже руки перед собой выставил, словно опасаясь, что ему сейчас отвесят хороший подзатыльник.

Приблизившись вплотную, Костя прошипел:

– И о чем же мы говорили, ну-ка, расскажи?

– О какой-то записке, – выдавил Гена. – Кто-то ее отцу к руке примотал. Шнурком.

Известно ли племяннику, куда именно он идет, лихорадочно размышлял Смычок. Упоминали они с Людой бердское кладбище или нет?

– Было дело, – осторожно признал Костя. – Продолжай.

– Ну там, как я понял, кто-то о помощи просит. А вы, как я подумал, когда увидел, что вы мешок собираете, туда... ну, спасать... хотите пойти... – Последние слова Гена произнес совсем тихо.

– Спасать? Из Зоны? Эх, я бы тебе ту записку показал, племяш, – сказал Смычок, сочувственно кивая, – да только уже, к сожалению, выкинул. Одно там слово было: «Помогите». Кому, как, где – не написано. Только – «Помогите». По-твоему, дядя Костя настолько идиот, что теперь будет по всей Зоне скитаться, искать, кому помочь?

– Ну я ж не знал, что вы... ну, что в записке только «Помогите» и все, – пожал плечами Заяц. – Так-то понятно, что по всей Зоне не очень-то и поищешь...

– Да даже и не по всей, – мрачно произнес Смычок, вновь отступая к дивану и поднимая с кровати вещмешок. – Спасать кого-то из Зоны – вообще дело гиблое, точно тебе говорю. И человеку в девяти случаях из десяти уже не поможешь, и сам запросто ласты склеишь. Помогать людям, конечно, можно и нужно, но за пределами Зоны, а не в ней. Усек?

– Усек, – энергично кивнул Гена, несказанно обрадовавшись, что дядя, кажется, немного успокоился.

– Ну вот и хорошо.

– А куда ты тогда идешь?

Смычок зажмурился и принялся мысленно считать до десяти. Нет, ну когда Вера пристаёт с расспросами, это порой тоже раздражает, но ей-то всего пять, а не двадцать, как Генке!

– Тебе весь маршрут рассказать? – едко поинтересовался сталкер.

– Ну что вы, дядь Кость, я так, интересно просто...

– Интересно за углом, – проворчал Смычок. – Сталкерам такие вопросы не задают, племяш. Заруби себе на носу.

– Я понимаю, но...

– Но – «что»?

Гена замаялся, закусил губу, а потом выпалил:

– Я просто туда хочу. С вами. Вот...

Треклятая пуговица, с которой Смычок воевал последние минут десять, не выдержала и оторвалась – так резко и сильно он дернул за петельку.

Этой просьбы Костя ждал и одновременно боялся ее услышать. Генка уже давно ходил вокруг да около и вот, наконец, не выдержал – сказал напрямик и теперь стоит, ждет приговора, смотрит жалобно и преданно, словно бродячий пес, мечтающий, чтобы его впустили в теплый дом и дали вкусную мозговую кость. Он в такую удачу практически не верит – лишь крохотный, робкий огонек надежды, уголек даже, тлеет в его глазах.

Но этот пес не знает, что просится вовсе не в дом, а в корейскую закусочную, где он не утолит голод, а, скорее, станет еще одним блюдом на чьем-то столе.

Таких молодых и самонадеянных Зона щелкает, как семечки. «Черные» сталкеры используют их в качестве «отмычек», будто приносят в жертву богам Зоны (или кто в этом аду, черт возьми, всем заправляет?). Смычку же такая стратегия всегда претила. О том же, чтобы взять на роль «отмычки» собственного племянника, и речи быть не могло.

– Дурак ты, Гена, – горестно произнес Смычок.

– Дядь Кость...

– Дурак и есть! Это ж Зона, там смерть повсюду. А ты говоришь – «хочу»... Думаешь, я от хорошей жизни туда таскаюсь? Это как сапером работать, сечешь? Ошибаешься только один раз.

– Но отец...

– Отцу твоему тогда просто повезло, – резко оборвал племянника Смычок. – Я знал немало опытных сталкеров, которые от «чертовой капусты» загнулись. Так это еще не самая коварная аномалия. Та же банальная «паутинка», которую ветром швыряет туда-сюда, на вид – безобидней некуда... но только она тебя коснется – пиши пропало, не жилец ты больше.

Генка стоял, понуро глядя в пол. Он, похоже, уже жалел, что вообще пришел к дяде.

– Ты вот что, – сказал Костя, умиряя гнев. – О Зоне не думай даже. Думай о том, что важно. Тебе сейчас о матери заботиться надо да учебу не запускать. Это вот главное, племяш, а не Зона. Нет в ней никакой романтики. С чего вы, молодежь, вечно ее там найти пытаетесь?

Он подступил к угрюмо молчащему Зайцу, положил руку ему на плечо и заглянул в глаза.

– Это я не из вредности, пойми, – произнес Костя со всей теплотой, на которую был способен. – Я просто не хочу, чтобы с тобой что-то случилось, племяш. Да и за бабами нашими кто, кроме тебя, присмотрит, пока я там?

Гена промолчал.

Глава 2

За дело

Что бы там ни говорил Гусь, а Зона с прошлого визита Офицера внешне практически не изменилась. Повсюду – все то же запустение, обветшалые домишки, которые, кажется, запросто могут рассыпаться под очередным порывом ветра, соседствуют с практически нетронутыми временем постройками. Зона будто успокаивает гостей – мол, оглянитесь вокруг, тут все давно заброшено, разве может здесь таиться опасность?

Но так она дурит только новичков. Бывалые сталкеры всегда собраны и неторопливы, поскольку спешка в таких условиях нередко равносильна смерти.

– Ну как, соскучился по знакомым местам? – насмешливо спросил Гусь.

Размахнувшись, он бросил гайку метра на три вперед. Она не пролетела и двух, когда невидимая сила прибила ее к земле и буквально расплющила.

– Вот тебе и первый подарочек – «комариная плешь», – предупредил Семен, указывая пальцем в направлении аномалии. – Интересно, где заканчивается...

Еще две гайки превратились в плоские блины, а вот третья беспрепятственно приземлилась в жухлую желто-серую траву.

– Сейчас проверю левей, – вызвался Игорь.

Его гайка легла в полуметре от семеновской.

– Чисто, – констатировал Гусь.

Подобрав уцелевшие гайки, они тут же снова отправили их в полет.

– Конечно, не соскучился, – запоздало ответил Офицер.

Гусь недоуменно выгнул бровь, однако живо опомнился и с улыбкой сказал:

– Неужто вам, лейтенант Логвинов, претит экстремальный отдых?

– Еще как, сержант Гусев. Или вы не согласны, что шляться по этим проклятым местам – весьма сомнительное удовольствие?

Они прошли еще пару метров, снова подняли гайки, снова бросили.

– А я, честно сказать, уже не представляю даже, как бы мы без Зоны жили, – признался Гусь. – Она вредная, конечно, но богатая на диковинки сверх меры.

– Видал я эти богатства... – поморщился Логвинов. – Мне иногда кажется, она их на нашей крови выращивает – ну на крови погибших сталкеров. Я вот до сих пор понять не могу – почему она в том году так скакнула? Столько лет практически в одной поре, и тут – на тебе! Никто такого подвоха не ожидал, ей-богу. Думали, если и сместится граница, то незначительно, как в девяносто первом... получите, что называется, распишитесь.

– Да по-хорошему, конечно, надо бы переезжать куда-то, – заметил Гусь, – а то, не ровен час, весь Искитим накроет. Вот только куда податься? Денег на новое жилье в местечке побезопасней я еще не заработал и вряд ли когда-нибудь заработаю. А хату продать – так кто ее купит за нормальные бабки? Такие же авантюристы, как мы с тобой?

Логвинов закивал, соглашаясь с другом.

Внезапно взгляд Гуся уцепился за овальную тень, которая стремительно приближалась к ним по шуршащей на ветру высокой траве. Поначалу он грешным делом решил, что ее отбрасывает птица, но в небе ни одной пичуги видно не было.

– Ложись! – воскликнул Семен.

Он метнулся к Офицеру, свалил его на землю и сам вжался в траву. Сердце бешено колотилось, лоб моментально взмок. Он не видел, что над ним пролетело и куда, – только почувствовал спиной обжигающий жар.

– Что это за мать твою? – рявкнул Логвинов.

Гусь промолчал. Он с подобным никогда прежде не сталкивался, только слышал от других. Назывались подобные штуки то ли «бесята», то ли «дьяволята», и обнаружить их, как назло, было куда проще темной ночью, чем днем. Очевидцы утверждали, что «дьяволята» напоминают крохотные шаровые молнии, которые носятся по кругу и взрываются снопом огненных брызг, влетов на полном ходу в препятствие. Днем эту дрянь можно было вычислить только по овальным теням на земле, что немало затрудняло прохождение этой аномалии.

– Надо поскорей уйти с их траектории, – прошипел Гусь. – Придется ползком, чтобы не зацепили.

– С какой траектории? – не понял Игорь. – Ты что, в курсе, что это за чушь?

– Поперли, потом объясню, – скомандовал Семен и первым пополз вперед.

Чертыхнувшись, Логвинов устремился следом.

Когда уже начало казаться, что беда миновала, над ними снова пронесся «дьяволенок». Видеть его сталкеры, конечно, не видели, только вновь почувствовали спинами жар, исходящий от причудливого порождения Зоны.

«Один и тот же? – думал Гусь, прижимаясь к теплой земле. – Или другой? Сколько их вообще может быть?»

Он лихорадочно пытался вспомнить байки в «РадIANте», которые, по привычке, слушал вполуха, с ленцой и недоверием.

– Дальше погнали? – спросил Офицер, покосившись на друга.

Гусь кивнул.

Больше «дьяволята» им не встречались. Остановившись, Семен на всякий случай выждал с минуту, прежде чем встать, – а ну как снова просвистит над головой треклятая «молния»? Не просвистела.

Похоже, выбрались.

– Встаем, – бросил Гусь через плечо.

– Уверен? – спросил Игорь, опасливо озираясь по сторонам.

– Да, – после секундной заминки ответил Семен.

Они поднялись, принялись отряхиваться.

– Присматривайся к траве, – посоветовал Гусь. – Они себя тенями выдают, овальными или круглыми. Ну и шевелятся травинки, будто от легкого ветерка.

– Да объясни ты, наконец, что это вообще такое? – раздраженно воскликнул Логвинов.

Семен вкратце пересказал ему историю о «дьяволятах».

– Ну, похоже, они и есть, – подумав, признал Игорь. – Нет, ну чего только не встретишь в этой треклятой Зоне! Шаровые молнии, каждая из которых носится строго по своей траектории – это, конечно, сильно. А главное, непонятно, кто вообще эти траектории задает?

– Я об этом стараюсь не задумываться даже, – признался Гусь. – До истины все равно хрен докопаешься, а от домыслов с ума сойдешь в два счета.

– Тоже верно, – согласился Игорь. – Ну что, дальше потопали? Или все же ползком?

– Черт его знает, – пожал плечами Семен. – А вдруг это еще не все?

– И гайками их не вычислишь... – задумчиво пробормотал Логвинов.

– Надо нам, пожалуй, к тому зданию хотя бы добраться. – Гусь указал на полуразрушенный флигель метрах в десяти от них. – По старой схеме. Только проверим окрестности, чтобы мы из одной аномалии прямо в другую не вляпались.

Игорь молча кивнул и полез за гайками.

К счастью, площадка рядом с флигелем оказалась безопасной. Вновь улегшись, друзья доползли до места и устроили мимолетный привал – так, чисто дух перевести. Гусь вытащил из нагрудного кармана помятую пачку, дрожащей рукой выудил сигаретку и закурил. С клубами дыма из груди вырвался нервный смешок.

– Сука... – пробормотал он. – «Дьяволята»... И ведь придумал же кто-то название этой шляге?

* * *

– Приехали, блин... – проворчал Семен, сжимая в ладони рукоять «стечкина».

Игорь нервно жевал нижнюю губу. Верный «Вихрь» лежал на коленях.

В пятидесяти метрах от их укрытия находилась плантация конопли, которой, если верить Гусю, прежде не было и в помине. И хотя огромные, раскидистые «елки» марихуаны говорили об обратном, Игорь склонен был поверить другу: в конце концов, не зря ведь бандюки свою «дурь» именно в Зоне выращивают – мало что «прет» она мощней обыкновенной, так еще и растет в разы быстрее.

– Что делать будем, товарищ лейтенант? – поинтересовался Семен с привычным сарказмом, однако подрагивающий голос выдавал его с головой: Гусь был крайне взволнован.

Оно и понятно. Куча вооруженных отморожков с респираторами на мордах явно была готова наспиговать пулями любого, кто сунется в их владения или хотя бы просто попадетсЯ им на глаза.

– Скажу банальность: будем пытаться их обойти, – хмуро сказал Офицер. – Обходить, вероятно, лучше справа, поскольку тут хоть какие-то постройки имеются, да и Бердск, получается, в той стороне...

– Веди, – кивнул Гусь.

Они медленно посеменовали вдоль здания красного кирпича, за которым прятались, не забывая проверять местность гайками. По счастью, пока аномалий на пути не встречалось, однако впереди еще было достаточно простора для различных сюрпризов.

Тридцать метров кирпичной стены подошли к концу. Игорь замер у самого угла, поднял правую руку – «стоим». Осторожно выглянул наружу.

– Чисто, – буркнул он и, опустив руку, на полусогнутых устремился к следующему укрытию – высоченной стопке из нескольких шлакоблоков. Подобными «бутербродами» была словно нарочно очерчена вся восточная граница конопляной плантации – собственно, поэтому-то Офицер такое направление и выбрал.

Пока все шло даже слишком хорошо. Ни аномалий. Ни бандитов.

И тут судьба-злодейка решила внести кое-какие коррективы – вероятно, для того, чтобы друзья от скуки не умерли.

Они уже свернули на северо-запад и побрели вдоль цепочки рыжих гаражей. Плантация теперь находилась к югу от них, и казалось, дело в шляпе, как вдруг из-за очередного угла вырулил длинноволосый бандит. Он был донельзя расслаблен – автомат болтается за спиной, респиратор задран вверх, словно забрало рыцарского шлема, в одной руке – сигарета, другая тянется к «молнии» на джинсах...

Он зашел за угол, просто чтобы отлить...

И абсолютно случайно столкнулся с двумя вооруженными чужаками.

Сталкеры хмуро смотрели на бандита, тот, удивленно, на сталкеров. Немая сцена затянулась на полминуты, не меньше.

– Нам от вас ничего не надо, – сказал Гусь. – Давайте разойдемся миром.

Бандит перевел взгляд с Офицера на Семена, а потом внезапно воскликнул:

– Атас!

И потянулся за автоматом.

Не разойдемся мы с ними миром, с грустью подумал Офицер. И, пока враг не добрался до оружия, выстрелил ему в грудь.

– Мля! – сдавленно выкрикнул бандюк.

Он завалился на колени, замер на мгновение, а потом рухнул навзничь и распластался по траве.

– Муха! – воскликнул кто-то со стороны плантации.

Офицер и Гусь помчались вперед. Прятаться уже не имело смысла. Минувя очередной просвет, они огрызнулись очередями. Бандиты в долгу не остались. Какофония из свиста пуль и рокота затворов резко контрастировала с прежней тишиной.

– Вали гадов! – проорали из-за гаражей.

Вот весело будет, если сейчас на пути аномалия какая-нибудь окажется, думал Гусь, резво перебирая ногами. Бегать по Зоне вообще категорически запрещено, хоть знаки с перечеркнутым спринтером повсюду развешивай.

Позади коротко вскрикнул Игорь. Семен резко обернулся и увидел, как друг левой ладонью зажимает рану на правом плече.

– Деру, деру! – проскрипел Офицер сквозь стиснутые зубы.

Из-под пальцев сочилась багровая кровь.

Гусь закусил губу и, вскинув пистолет, выстрелил в высунувшегося из-за угла отморозка с автоматом. Судя по тому, как тот вскрикнул и согнулся в три погибели, попал – то ли в бок, то ли в живот.

Сталкеры свернули за последний гараж и прижались спинами к холодному кирпичу, готовые угостить любого показавшегося бандюка порцией свинца из двух орудий. Однако головорезы не спешили показываться на глаза – то ли поняли, что незнакомцев наскоком не взять, то ли просто занимались своими ранеными.

– Ты как, идти дальше сможешь? – спросил Гусь, обеспокоенно глядя на друга.

– А у меня есть выбор? – усмехнулся Офицер. – Разве что лечь и прямо здесь подохнуть...

– Ну, извини, пока никак не получится, – развел руками Семен. – Нам ведь еще брата твоего спасать.

– Вот то ж... – Тяжело вздохнув, Игорь отстранился от стены.

Они стали медленно пятиться к полуразрушенному жилому дому, стоящему чуть поодаль от плантации. Бандиты больше не показывались – наверное, хозяева запрещали им покидать делянку без разрешения старшего. А может, они знали о каких-то чудовищных аномалиях и потому, боясь стать их жертвами, предпочитали не высовываться? В любом случае, отсутствие погони давало друзьям пусть небольшую, но передышку.

Гусь бросил хмурый взгляд на Офицера. Бледный, словно вампир, он едва волочил ноги.

Зона, как обычно, не баловала гостеприимством. Сталкеры миновали едва ли четверть пути, а один из них уже словил пулю.

Не самое удачное начало, что и говорить.

* * *

Лебедевку Смычок решил обойти стороной – уж больно не хотелось вляпываться в надоедливую и крайне опасную «русскую рулетку», которая превращала поселок в чертов бесконечный лабиринт.

И все-таки кто этот неизвестный бедолага, который прислал с Колотушкой просьбу о помощи, гадал Костя, отправляя очередную гайку в полет. Жив ли еще? Или та записка – это отчаянный, на последнем издыхании, зов о помощи, и Смычок суетится зря? Не хочется о таком даже думать, тем более что и выбора-то нет, по сути, но дурные мысли все равно в голову лезут.

А еще физиономия Зайца постоянно в памяти всплывает. Вот уж кому делать нечего! Нашел о чем мечтать – в Зону сходить! Пример отца ничему не научил? Ну конечно, Гена знал, что с ним приключилось, сделал выводы, а значит, будет умней... Да только теория и практика – это, увы, две большие разницы, особенно – в случае с Зоной. Ты можешь хоть десять справочников по аномалиям прочитать (если, конечно, допустить, что таковые вообще существуют), все байки «радиантские» выучить на зубок, а потом отправиться в Зону и уже через десять минут угодить в «мясорубку» или «комариную плешь».

Наверное, именно поэтому работодатели охотней берут спецов с опытом, чем вчерашних студентов: у последних всегда больше стремлений, чем реального навыка.

Кругом царило лето, обманчиво-солнечное. Лучи скользили по безмятежно-зеленой траве, которая поражала сочностью. Земля в Зоне была странная: местами сорняк не приживется, а местами хоть пальму, хоть папоротник сажай – вымахает до небес.

Смычок окинул взглядом окрестности и решительно устремился к полуразрушенному домишке – в окнах ни единого целого стекла, одно сплошное раздолье для дурных ветров Зоны, которые меняют направление раз в пол минуты. Иные сталкеры подобных мест сторонились, опасаясь, что изнутри нет-нет да и хлынет наружу какая-нибудь неведомая зараза. Но Костя, напротив, предпочитал идти от одного подобного ориентира к следующему. По равнине идешь, открытый всем ветрам, словно голый. Хочешь – стреляй в тебя, хочешь – рви на части. А в здании и укрыться от разбушевавшейся стихии можно, и от напасти, вроде «зеленки», спрятаться.

И сейчас это стремление Смычка к заброшенным домишкам пришлось как нельзя кстати. Уже на подходе к крыльцу сталкер услышал странное шипение – как будто у кого-то колесо спустило, – а потом еще и зашуршало, зашелестело... Ведомый пресловутым «шестым чувством», Костя чуть ли не вбежал в дом и всем телом вжался в кирпичную стену слева от двери. Пистолет, старый добрый ТТ, болтался в кобуре на поясе; Смычок не был сторонником автоматов и винтовок; он небезосновательно считал, что в реалиях Зоны они опытному сталкеру только мешают, ведь против аномалий и тварей, вроде шатуна, любой ствол бесполезен.

Шипение стало еще громче. Костя затаил дыхание: значит, не показалось. Интересно, что это? Какая-то безобидная звуковая аномалия? Или доселе не виданная тварь? Судя по тому, что эта штуковина как-то перемещается в пространстве, скорее, второе. Впрочем, от Зоны можно ждать любых сюрпризов – в том числе и каких-нибудь блуждающих звуков.

Шли секунды, складывались в минуты, а шипение все не смолкало. Лоб Кости был мокрым от пота, словно его только что макнули головой в ведро с водой.

Сколько ему придется так стоять? Что, если эта странность у порога учуяла его и теперь ждет, когда же он все-таки высунется наружу?

Стараясь не выдать себя неосторожным звуком, Смычок вытащил из кармана крохотное зеркальце и, зажав в ладони, вытянул руку перед собой. Медленно поворачивая его вправо, он увидел сначала дверной косяк, потом петли, а затем...

То, что резвилось снаружи, не было ничем из того, что Косте приходилось видеть прежде. Более всего странная тварь напоминала «змейку» из телефонной аркады, слепленную из огромных, объятых пламенем клубков. Вдобавок к прочим необычностям порождение Зоны мерцало, словно люминесцентная лампа, то вспыхивая ярче, то, напротив, буквально растворяясь в воздухе.

Внутри у Смычка все похолодело, когда змея повернула страшную пылающую морду к дверному проему. Лишь ценой невероятных внутренних усилий Костя смог совладать с собой и не покинуть убежища, хотя сердце его, казалось, вот-вот выскочит прямо на пыльный пол.

Стоять. Не дергаться.

Ладонь до того вспотела, что зеркальце попросту выскользнуло из нее и по широкой дуге устремилось в полет. С замиранием сердца Костя наблюдал за парящим кругляшом, опасаясь его приземления, будто речь шла о бомбе, а не о куске стекла.

Зеркало со звоном плюхнулось на пол и укатилось прочь. Смычок попросту обмер. Левый глаз от волнения начал дергаться, во рту пересохло.

Оставалось только надеяться, что тварь ничего не услышала.

Хуже всего, что теперь и не посмотреть, где она. Запасных зеркал у Смычка не водилось.

Правда, был нож...

Он сунул руку в карман, достал тот самый, швейцарский, который разыскивал по всей квартире наемдни. Ногтем поддел лезвие и снова поймал в импровизированное зеркальце отражение дверного проема.

Увиденное его немного успокоило: змея продолжала ползти снаружи, даже не помышляя о том, чтобы проникнуть внутрь. Однако, повернувшись к зеркальной поверхности лезвия мордой и поймав его взгляд, чудовище на всех парах понеслось к дверному проему.

Смычок спешно опустил нож вниз и медленно отступил от входа на пару шагов. Не слишком-то хотелось, чтобы тварь прямо с порога вонзила в него пылающие клыки. Однако секунды бежали, а чудовище все не появлялось.

Костя нахмурился. Неужели активность змеи как-то связана с зеркалами? Стоит их спрятать, и она теряет к нему всякий интерес. Возможно, лучше не экспериментировать и, пройдя здание насквозь, выбраться через дальнее окно?

Смычок медленно побрел вперед. Вслушиваясь в каждый шорох, он прикидывал, не стало ли шипение громче. Пройдя метра три, решил оглянуться – просто чтобы убедиться, что тварь его не преследует.

И, как назло, снова встретился с чудовищем взглядом.

В следующий миг тварь вновь рванула вперед, громко щелкая челюстями, прямо на застывшего Смычка, который в тот момент был бледней покойника. Мозг отказывался сообщать, а тело – подчиняться. Он будто попал в кокон, сплетенный из первозданного ужаса, который держал так крепко, что вырваться из его плена, казалось, было попросту невозможно.

Змея уже скользила по ступенькам крыльца и явно не собиралась останавливаться.

Внезапно перед внутренним взором Смычка возник портрет Веры. Возник – и тут же стал трансформироваться. Менялись черты лица, форма носа, ушей, подбородка и скул, волосы, словно сошедший с ума хамелеон, окрашивались во все цвета радуги по очереди.

То, что получилось в итоге, заставило Костю зажмуриться.

Наверное, в тот момент это было единственное действие, на которое он вообще оказался способен.

Смычок стоял с закрытыми глазами, ожидая, что чудовище вот-вот вонзит в него могучие клыки. Страх, видимо, достигнув предельной отметки, превратился в смирение: раз суждено, значит, погибну. Довольно неожиданная апатия, но, если вдуматься, вполне объяснимая.

Однако рвать его на части так и не начали. Осторожно приоткрыв один глаз, Смычок обнаружил, что змея преспокойно уползает из дома прочь. На всякий случай он попробовал пошевелить рукой, затем притопнул левой ногой. Оцепенение спало. Он вновь мог управлять собственным телом и, кажется, был еще вполне себе жив.

А значит, дальше оставаться в этом здании попросту нет смысла.

Развернувшись, Костя бросился бежать к виднеющемуся впереди оконному проему. Периодически его подмывало оглянуться вновь, но Смычок тут же гасил в себе это неуместное желание: он сомневался, что в следующий раз успеет так же своевременно зажмуриться.

Забравшись на подоконник, Костя швырнул гайку вниз и, убедившись, что с ней ничего не случилось, выпрыгнул из окна на высохшую землю.

Треклятая фантомная змея продолжала шипеть по ту сторону здания, готовая броситься в атаку на любого, кто только встретится с ней взглядом.

* * *

Это явно был не его день.

То ли Зона соскучилась по Костиным визитам и теперь делилась самыми интересными новшествами, то ли это ему раньше несказанно везло – хрен теперь разберешься. Зато выяснилось, что странная огненная змея, растворяющаяся в воздухе, – это еще цветочки по сравнению с иными сюрпризами, которые поджидали его впереди.

И ведь ничто не предвещало беды. Потеряв несколько гаек в пресловутой «комариной плешки», он теперь неспешно брел по узкой тропике, разделяющей поле «заманухи» пополам. Цветы, которыми оно усеяно, так и подмывает сорвать, уложить в букет и отнести любимым дамам – до того красивы. Да вот только поступать так нельзя категорически: возвращено все это на столь лютых инопланетных химикатах, что запросто можно вообще без рук остаться.

Приметив спереди «парные» деревья, Смычок насторожился. Он уже не раз слышал об аномалии с глуповатым, но красноречивым названием «спиномломка», которая нередко поджидала путника в таких вот, на первый взгляд безобидных, местах. Забудется идущий сталкер, решит, что «заманухой» на этом участке коварство Зоны ограничивается, и пожалует прямо в могучие объятия коварной ловушки. И та радостно сложит его пополам и, бросив помирать, попросту растворится в воздухе, будто ее и не было. Ну а тот, кто через время этой же дорогой пойдет, уже десять раз подумает, прежде чем через эти «врата» пройти – ибо кости и черепа, разбросанные по округе, энтузиазма явно не добавляют.

Размахнувшись, Смычок швырнул гайку между деревьев. Никакого эффекта. Пролетела беспрепятственно, запрыгала по земле, поднимая пыль. Костя недоуменно нахмурился. Неужто чисто? Он медленно подступил к деревьям. Огибать их по полю не хотелось: мало ли как это скажется на камуфляже и собственно ногах? Но проходить через «арку» тоже было боязно: вдруг на гайку не реагирует, а человека ломает на раз-два?

Взгляд Смычка наткнулся на ветку, лежащую аккуратно на границе безопасной тропки и «заманушной» поляны. Присев на корточки, он пристально осмотрел находку – не прицепилась ли к ней злополучная «паутинка» или что похуже? Нет, вроде бы чисто. Тогда Костя осторожно поднял ветку на себя и, выпрямившись, повернулся к «воротам».

Ну что, еще одна попытка?

Он вытянул руку с веткой перед собой и сделал шаг в направлении предполагаемой «спиномломки», готовясь отшатнуться назад при первом намеке на опасность. Однако ничего не произошло.

Немного осмелев, Костя подошел еще на пол-метра. Его кисть остановилась в считанных сантиметрах от древесного ствола.

И в этом самый момент ловушка все-таки сработала.

Неведомая сила грубо вырвала ветку из рук сталкера и с хрустом переломила пополам. Щепки полетели в разные стороны, раздался хлопок, будто где-то поблизости лопнул воздушный шар, а затем все стихло. Смычок еще некоторое время стоял с вытянутой перед собой рукой, боясь пошевелиться.

До чего же все-таки тяжело воевать не с видимым, реальным противником из плоти и крови, а со странными искривлениями реальности, которые даже мудренными законами физики не объяснишь?

Наконец он опустил руку и отступил на шаг. Настороженный взгляд скользил вверх-вниз по «штангам» дьявольских «ворот», которые теперь, если верить рассказам бывалых сталкеров, не представляли опасности.

И все равно жутко, честно признался Смычок сам себе. Он никогда не стеснялся страха, ведь для живого здравомыслящего человека это абсолютно нормально – бояться за свою жизнь. Не испытывают страха только клинические идиоты. Смелчаки же и сорвиголовы трусят еще больше, чем другие, просто не показывают этого окружающим.

Как бы то ни было, отступать ему некуда. Позади – Искитим, Света и Вера с ее чудовищной болезнью. Он – главная и, по сути, единственная надежда своей дочери. Она верит, что папа справится с любой проблемой, и потому он должен пройти через все это и вернуться с триумфом. Просто обязан.

Смычок закусил губу, снова вытянул перед собой руку и решительно шагнул вперед. Ветка, разлохмаченная, валялась за «воротами», вне досягаемости, так что приходилось чем-то рисковать. Если, не дай бог, ловушка все еще активна, в лучшем случае он отделается переломом руки, а в худшем... в худшем же переживать из-за перелома, скорей всего, уже не придется.

Рука беспрепятственно прошла между деревьями. Смычок остановился на секунду, будто опасаясь, что ловушка запоздало, но сработает, а когда этого не произошло, одним прыжком миновал треклятые «ворота». Уже стоя по ту сторону, он оглянулся назад и внезапно увидел вдали черный силуэт. Прищурился, сился рассмотреть, кто это – иной сталкер, бандит или, возможно, очередной дух Зоны, – но так и не смог: слишком далеко находился неизвестный.

Внутри снова пробудилось ото сна немного унявшееся чувство тревоги. Что, если за ним кто-то следит? Да нет, это уже какая-то паранойя. Никто не знает, куда он идет и зачем... кроме, разве что, Людки, но та бы в Зону не потащила ни за какие коврижки. Может, это еще какой-нибудь «муляж» – например, сталкера, погибшего в окрестностях Лебедевки и теперь топающего в Искитим? Вариантов – уйма. Какой из них верный – попробуй разберись.

Решив не заикливаться на странном силуэте, Костя отвернулся от «ворот» и побрел по тропе дальше, не забывая поднимать оброненные гайки и снова прокладывать ими путь.

* * *

Ближе к ночи у Офицера начался сильный жар, лоб был на ощупь словно раскаленная сковорода. Вдобавок Игорь все никак не мог сфокусировать взгляд на озабоченной физиономии Семена, которая то растягивалась, то сжималась, будто резиновая, а то и вовсе двоилась.

– Вот же угораздило... – бормотал Гусь, прикладывая ко лбу друга влажный бинт.

– Приплыли... походу-пароходу... – Игорь с трудом выдавил из себя слабую улыбку. – Спета моя песенка, старик...

– Не каркай, – строго произнес Семен.

– Там инфекция, наверное... – вяло пробормотал раненый. – Иначе бы так не долбило.

Гусь промолчал. Он явно разделял мнение друга, но совершенно не хотел говорить об этом вслух, понимая, что Игорю от этого признания едва ли станет легче.

– Помнишь, когда я еще работал, мы брали притон? – ухмыльнулся Логвинов. – Ну, когда тебе эту... штанину порвало... а пуля прошла, ногу не задела... даже...

Он закашлялся, сплюнул мокроту в сторону и утер рот тыльной стороной ладони. Гусь взирал на его медленные, заторможенные движения со смесью сожаления и неподдельной горечи.

– У тебя рожа тогда была, конечно... – Игорь глупо ухмыльнулся, заерзал, устраиваясь поудобней, и скривился от боли в раненой руке. – Свинство, блин... в общем, такая рожа была, будто ты в штаны наложил, ей-богу, такая... Ах! – Он стиснул зубы и на миг зажмурился. – Извини... Чо-то я вообще... не алё...

Гусь закусил губу, а потом принялся остервенело расстегивать пуговицы на левой манжете рубашки.

– Что случилось? – недоуменно поинтересовался Логвинов.

Гусь покончил с пуговицами и, закатав рукав, продемонстрировал другу металлический браслет у себя на запястье.

– Это еще... что такое? – спросил Игорь. – «Браслет»?

Гусь кивнул. Опережая новые вопросы Игоря, Семен с трудом стянул артефакт с запястья и вложил в ладонь друга.

– Надень, – велел Гусь. – Если это не поможет, уже ничего не поможет. В больницу мы все равно не поспеем – инфекция убьет раньше, чем доберемся.

– Спа... спасибо, – неуверенно поблагодарил Игорь.

Некоторое время он с любопытством рассматривал дар Семена у себя на ладони, потом, решившись, все-таки надел на запястье правой руки.

– Я знаю, что ты хочешь спросить, – мрачно произнес Гусь.

Игорь удивленно посмотрел на него – он, похоже, и сам не знал, чего хочет.

Семен отвернулся, посмотрел на мертвый клен, который тянул корявые ветви к путникам, будто в последней, отчаянной надежде на спасение из ада Зоны.

– Почему я не отдал его сразу, – прочистив горло, хрипло продолжил Гусь. – Почему дождался, когда тебе станет хуже, и только тогда решился... ты ведь наверняка подумал об этом, правда?

– Да я вовсе... – начал было Игорь, но Семен вскинул руку, призывая друга к молчанию.

– Просто я... струсил, Игореш, – добавил Гусь тихо. – Я ведь его нашел еще тогда, когда мы с тобой вдоль южной границы «черные брызги» для Яши собирали. С тех пор и таскал на себе и здесь, и за Периметром – везде. Думал, заряд у него давно закончился, ну и носил, как этакий талисман. А потом меня в «Радянте» один ошалевший «черный ангел» ножом полоснул...

– Когда? – опешил Логвинов.

– Было дело. Ты вроде к отцу уехал тогда... или еще куда-то... словом, не было тебя в городе, да и неважно это, в общем-то, ты бы все равно ничем не помог. Только мы с ним спорили за рюмкой, а тут он мне уже нож в бочину...

– Вот тварь... – процедил Игорь сквозь зубы.

– Тварь и есть, – не стал спорить Гусь. – Так вот его тогда ребята вышвырнули, а меня в подсобку уволокли. Парфюмер «скорую» вызывать не стал, какого-то знакомого врача вызвонил по-быстрому, чтобы шумиху не подымать. А когда врач тот приехал – минут через пятнадцать буквально – у меня рана уже затягиваться начала. А теперь и вовсе – гляди!

Гусь задрал рубаху и продемонстрировал шокированному другу живот.

– А... куда он вообще тебя пырнул? – неуверенно спросил Игорь.

– Вот видишь! – хмыкнул Семен. – Ни следа не осталось. А ткнул – сюда! – Он упер палец в правый бок.

– Так там же печенка, – недоверчиво произнес Логвинов.

– Вот об этом и речь, – закивал Гусь. – Тогда-то я и понял, до чего мне полезная вещица перепала.

– Не верится прям, – покачал головой раненый. – Такой заряд, опять же, как будто неисчерпаемый! Но... почему ты о нем раньше даже не заикался? Мы же... Мы вместе там... Это ж общая добыча, Сем, – понизил он голос.

– Я знаю, знаю, Игореш... – виновато потупился Гусь. – Я хотел рассказать, но, понимаешь... Как-то сразу не стал, а потом уже глупо выглядело бы.

Он с большим трудом подбирал слова, будто школьник на первом свидании. Мялся с ноги на ногу и буравил взглядом покрытую трещинами землю. Таким его Игорь видел нечасто. «Стыдливый Гусь» – так про себя шутливо именовал он это редкое состояние друга.

– Ладно, пустое, – сказал Игорь. Не время и не место было для разбора полетов. – Прошлого все равно уже не воротишь. Тем более, если бы ты сразу о нем рассказал, неизвестно, был бы он на тебе сегодня. А так – хоть какая-то надежда...

Удивительно, но каждое новое слово давалось ему все легче. Боль в пораженном выстрелом плече действительно шла на убыль, самочувствие улучшалось, и жар, сжигавший его изнутри, тоже потихоньку отступал.

Однако переживания дня минувшего не могли пройти даром. Каким бы чудесным ни был семеновский браслет, лечить и одновременно поддерживать в теле Офицера завидную бодрость он не мог.

В итоге Логвинов сам не заметил, как провалился в сон.

Гусь улыбнулся самыми уголками рта и, опустившись на лежак, уставился на достопамятный мертвый клен.

Этой ночью поспать Семену было не суждено.

* * *

О существовании плантации Снежка, двоюродного племянника Хазара, Смычок узнал совсем недавно. Впрочем, она и появилась-то буквально месяца три назад – после того как Снежок уговорил-таки щедрого дядюшку выделить ему участок под делянку и два десятка рядовых быков для его охраны. В итоге Хазар согласился – пусть юноша зарабатывает! – однако обязал родственничка отдавать ему добрую половину вырученного на продаже конопля бабла.

Обо всем этом Смычок, по иронии судьбы, узнал из первых уст – от самого Бори Снегова, с которым ему однажды волей случая довелось оказаться за одним столом в «Радянте». Пьяный и вмазанный, Снежок не стеснялся откровенничать со сталкером, который ему «сразу показался нормальным мужиком». Костя из вежливости помалкивал: никакой взаимной приязни – просто связываться с родственниками Хазара себе дороже. Продырявит тебе подобный отморозок голову, а потом побежит к дяде – выручай, беда! И тот выручит, да так, что твою овдовевшую жену и осиротевшую дочку без гроша оставят.

Смычок опасливо оглянулся через плечо. После того как он покинул «заманушное» поле, странный силуэт попался ему на глаза еще дважды. В том, что его преследуют, сталкер уже не сомневался, а вот кто и зачем – не понимал.

И вот, лихорадочно размышляя как же изловить преследователя, Костя в итоге не придумал ничего лучше, кроме как свернуть на плантацию Снежка. В конце концов, одна голова хорошо, а два десятка стволов – вообще предел мечтаний. Были, разумеется, небольшие сомнения насчет такого крюка – мало ли как на его визит отреагируют бандюки, денно и ночью сторожащие плантацию? – но иного выхода Костя не видел. Тащить за собой хвост до самого бердского кладбища ему совсем не улыбалось.

Отморозки приметили его издали, да он, впрочем, и не особо прятался – шел не спеша, подняв руки, дабы видели, что вновь прибывший безоружен и, соответственно, неопасен.

– Стоямба! – скомандовал кто-то со стороны плантации.

Смычок послушно остановился.

– Як Снежку! – проорал он, предупреждая очевидный вопрос.

Пауза. Переменчивый ветер доносил до ушей Смычка обрывки бандитских фраз, но сложить их в единое целое, увы, не представлялось возможным.

Наконец, все тот же голос, что приветствовал его «стоямбой», поинтересовался:

– Как тебя звать, мужик?

– Костя. Смычок. Он поймет.

Еще одна заминка. И наконец, неохотное обещание:

– Ладно, сейчас к боссу гонец метнется, а ты пока замри там, и чтоб без шуток, понял?

– Понял! – воскликнул Костя.

Ждать пришлось минут пять, не больше, однако под прицелами десятка стволов, готовых в любой момент разрядиться очередями, даже эта ничтожная проволочка показалась настоящей вечностью.

– Шагай сюда! – наконец позволил невидимый переговорщик, и Костя, облегченно выдохнув, устремился к хмурым бандитам.

– Топай, Смычок, – велел один из отморожков, тощий, словно палка, и с огромной бородавкой на длинном носу. – Босс, когда твое имя услышал, сразу радугой кончил на радостях!

Остальные бандюки охотно загоготали. Вонючее стадо, подумал сталкер, фальшиво улыбаясь вместе с другими. До чего же не хочется даже рядом с ними стоять... Но самый главный ублюдок среди прочих – Снежок. Избалованный ребенок, который слишком рано дорвался до больших денег и тяжелой наркоты.

– Ка-аки-и-ие лю-ю-юди! – с натуужностью кассетного плеера на последнем издыхании батарейки протянул Боря, когда провожатые завели сталкера в вагончик шефа.

Это казалось невозможным, но Снежок казался еще худее Бородавки. У того-то ребра торчали наружу, но у Бори еще и кожа была тонкая, будто пергаментная, а все потому, что этот заносчивый сукин сын днями напролет бухал да курил «экзо». Редкий барыга употреблял эту смертоубийственную дрянь, а вот Снежок не гнушался. Уж больно круто она срывала крышу, чтобы отказываться от нее из-за каких-то там «побочных эффектов» и возможного летального исхода...

– Здравствуй, Боря, – сказал сталкер, кивнув хозяину плантации. – Как поживаешь?

– Цвету и пахну, как и мои «елки»! – радостно воскликнул Снежок, вскинув вверх обе руки, и захохотал, словно безумный. Белый от «колумбийского снега» нос, зрачки расширены, движения дерганные, как у робота.

Смычок терпеливо ждал, пока хозяин плантации насмеется всласть, хотя, сказать по правде, ему до чертиков хотелось ухватить зарвавшегося наркологу за грудки и швырнуть в ближайшую стену.

Наконец, утерев проступившие на глазах слезы, Снежок шумно выдохнул и сказал устало:

– В общем, ништяк у меня все. Ты как? Чо в Зоне забыл? Новую дребедень собираешь для Парфюмера?

– Типа того, – неопределенно пожал плечами сталкер.

Ему вовсе не улыбалось рассказывать Снежку об истинной цели своего путешествия.

– Ты чо-то немногословный какой-то, – разочарованно надул губы юнец. – Чо за настрой такой, Смычок?

– Устал. Ну и плюс есть подозрение, что за мной хвост. Спокойствия не добавляет, знаешь ли.

– Хвост? – вскинул брови племянник Хазара. – Ну так давай решим эту проблемку, мне ведь это раз плюнуть, дружище?

– Буду признателен, – холодно сказал Костя.

Снежок поднял руку и, взглядом отыскав Бородавку, поманил его указательным пальцем.

– Передай ребятам, пусть смотрят в оба, – велел Боря, когда бандит подошел. – Возможно, к нам пожалуют гости, которых мой друг Смычок не очень-то хочет тут видеть. Догоняешь, не?

Бородавка энергично кивнул:

– Да, босс.

– Тогда шуруй, займись делом. – Снежок махнул рукой в сторону двери. – А ты давай поближе, Смычок! Побакланым...

– У тебя можно переночевать? – спросил Костя, присев на свободный стул по левую руку от главаря бандитов.

– Он еще спрашивает! – притворно удивился Снежок. – Разве могу я выгнать старого друга в Зону посреди ночи?

– Спасибо.

– Все для тебя, дорогой. – Боря довольно заулыбался. – Взаимовыручка, епсель-мопсель. Ты – мне, я – тебе.

– Ну «ты – мне» я, как бы, часто встречал, а вот «я – тебе» – крайне, крайне редко, – с грустной улыбкой заметил Костя.

– Оно так и есть. Люди везде любят только брать, но не давать. Хрен мелочью делится, типа того.

Снежок смерил гостя оценивающим взглядом и, положив руку сталкеру на плечо, участливо произнес:

– Иди-ка ты приляг, дядька, а то видон у тебя уж больно кислый.

Смычок спорить не стал: чем скорей он ляжет спать, тем раньше встанет и покинет плантацию. Дождавшись Костиного кивка, Боря поднес ладонь ко рту на манер рупора и проорал:

– Эй, Маргарин!

Щекастый бандюк, дежуривший у дверей, обернулся и вопросительно посмотрел на главаря.

– У нас ведь найдется свободная койка? – спросил Снежок.

– Найдутся и две, – мрачно ответил Маргарин. – Ржавый с Мухой же скопытились.

– А, точно-точно-точно... – пробормотал Боря, качая головой. – Представляешь, Смычок, какие-то охламоны, по ходу из твоего бродяжьего племени, двух моих парней порешили.

– Когда? – угрюмо поинтересовался Костя.

– Да буквально сегодня ж днем! Вы с ними часов на... давно эти говнюки тут проходили, Маргарин?

– Так и не вспомнишь... – пожал плечами бандит.

– А ты напряги мозги-то, епер мать, – саркастически произнес Снежок. – Давай-давай кусок сала!

– Ну после обеда сразу почти, – пропустив оскорбление мимо ушей, припомнил Маргарин. – Муха поссать зашел, потом заорал, тут-то его и хлопнули. Мы за ними, они – от нас... Потом Ржавый одного ихнего зацепил, а второй ихний Ржавому прямо в пузо из пистолета своего бахнул... Муха, стало быть, сразу помер, а Ржавый еще покорчился, ну вот так все и было, короче.

– Вот видишь, – осклабился Снежок. – Можешь ведь, когда захочешь!

– Странно, – признался Смычок. – Если это действительно были сталкеры, то почему они на вас напали?

– Да я чо, шарю? – фыркнул Боря. – Ты как спросишь, епсель-мопсель...

– Так, может, это все же был кто-то другой? – продолжил мысль Костя.

– И кто? ФСБ? Так те бы бежать не стали, положили бы нас всех, и дело с концом. Ну, в смысле, если бы решили вдруг всерьез за нас взяться.

– Пожалуй что так, – признал сталкер, задумчиво глядя сквозь собеседника.

– Ладно, не ломай голову, дядька, – махнул рукой Боря. – Поймали б – зарыли. Но раз ушли – пусть поживут еще малость, чо уж. Фартовому воля, не фартовому земля сырая, типа того. Давай, Маргарин, не спать! Отведешь Смычка в спальный вагончик и вернешься, понял, свинская твоя харя?

– Да, босс, – кивнул бандит, терпеливо проглотив очередной укол, и добавил, обращаясь к Смычку: – Погнали, мужик.

«Что же это получается? – думал Костя, шагая за Маргарином в направлении спального вагончика, – один идет по пятам, еще двое опережают на полдня...»

Смычок грешным делом начал подозревать, что Людка растрепала кому-то про записку и «любые деньги», упомянутые в ней. Иного объяснения такому количеству сталкеров на одном и том же маршруте он найти не мог. Ну, разве что неизвестному «богатею», застрывшему на кладбище, удалось отправить в Искитим еще несколько записок, но это уже версия из разряда фантастики. Во-первых, где бы он взял столько «муляжей»? Ладно, Колотушка, – он, как и подобает оживленному Зоной покойнику, приковылял домой. Странно, что его «пограничники» не сцапали, но то ладно, всякое случается. Один-то «муляж» проворонить немудрено, особенно если люди в тот вечер дежурили необязательные, расхлябанные. Но целый отряд мертвецов? Нет уж, дудки. Так что либо сталкеры, напавшие на плантацию, никак не связаны с Бердским кладбищем и «хвостом» и оказались на том же маршруте по нелепой случайности, либо Людка и вправду рассказала о записке кому-то из приятелей мужа. Третьего, пожалуй, не дано.

Внутри спального вагончика жутко воняло потными носками и несвежими простынями. Смычок невольно сморщился: подобное сочетание запахов напомнило ему об армейском прошлом, от которого он успел порядком отвыкнуть за последние годы. Помимо не самых приятных ароматов, тут хватало и других атрибутов солдатской казармы – те же двухъярусные кровати, те же прикроватные тумбочки, те же одинаковые синие одеяла и подушки углом вверх. Разве что порядка в спальном вагончике не было – все лежало сикось-накось, абы как. Эх, сюда бы нашего прапора, подумал Костя с улыбкой, уж он бы местным разгильдяям спуску не дал...

– Вона Мухина шконка. – Маргарин указал на кровать в самом углу, справа от прохода. – Низ твой.

– Спасибо, – бросил Смычок, не оглядываясь.

– Босса благодари, – буркнул провожатый. – Я б вашего брата на милую сюда не подпускал, одни проблемы от вас только...

С этими словами Маргарин вышел из вагончика и захлопнул дверь, оставив Костю наедине с самим собой.

Тяжело переставляя ноги, которые, словно почувствовав скорый сон, буквально налились свинцом, Смычок пошел к угловой койке. Он и теперь не чувствовал себя в безопасности – спать в вагончике, конечно, спокойней, чем под открытым небом, но это все равно Зона с ее весьма «своеобразными» сюрпризами. Да и здешний хозяин, мягко говоря, не производил впечатления «добропорядочного гражданина». Оставалось надеяться, что бандиты хотя бы помогут решить проблему с пресловутым «хвостом», иначе в этом малоприятном ночлеге вообще не будет смысла.

Смычок натянул Мухину наволочку на вещмешок, а бесполезную теперь подушку швырнул под кровать. Завалившись на койку, он повернулся лицом ко входу и прижался

щекой к пропахшей дымом ткани. Треклятый уголовник, судя по всему, любил курить прямо в постели, и теперь Костю буквально выворачивало от тошнотворной вони.

Никакого сочувствия по поводу смерти двух бандитов Смычок не испытывал. Он даже к смерти собратьев-сталкеров старался относиться философски – ведь, чем чаще разгуливаешь по канату над пропастью, тем больше шансов сорваться вниз и разбиться. А здешние бандюки не просто разгуливали по канату – они на нем стояли на биваках, выращивали «дурь» и сами же ее курили во главе с сумасбродным предводителем.

Отморозки, что с них взять. А таких – не жалко. Чем меньше их, тем лучше.

Сон сморил Костю уже через две минуты.

И снились ему в ту ночь отчего-то достопамятные посиделки в «Радянте» со старыми знакомцами – новообращенным «черным ангелом» Грушей и давним товарищем Смычка, сталкером по прозвищу Сарыч.

– Нет тебе прощения, Смычок, – покачал головой Груша.

Костя смерил сидящего перед ним паренька с жидкой каштановой бородкой презрительным взглядом.

– У вас там в «ангелов» случайно не через лоботомию посвящают, нет? – едко усмехнувшись, спросил он. – Чего ты ерунду какую-то городишь, Груша?

– Ничего не ерунду, зря ты ерничаешь! – пылко заверил новоиспеченный «черный ангел». – Они мне просто глаза открыли, понимаешь? Я был слеп, а теперь... теперь прозрел!

– Ты был осел, осел и остался. – Сидящий по правую руку от Смычка Сарыч усмехнулся в пшеничные усы. – Уж прости за откровенность, Гришка.

Взгляд, которым «черный ангел» одарил сталкера, казалось, должен прожечь его насквозь, однако Сарыча недовольство Груши только позабавило.

– На обиженных воду возят, помнишь ведь, дружок? – Он нагло подмигнул свирепо раздувающему ноздри парню. – Притом на сталкерах возят из Зоны в Исктим, а на «ангелах», конечно же, в обратном направлении... – Он опять заржал, довольный собственной – или где-то подслушанной – остротой.

– Короче, нечего нам мозги вправлять, – сказал Смычок, вновь отвлекая внимание на себя. – У вас там свой кодекс, свои цели и прочее – ради Бога. Или ради Зоны... как вы там говорите? В общем, неважно. Важно то, что мне на ваш кодекс, честно сказать, плевать с высокой колокольни. А потому даже не пытайся взывать к моей совести, Гриша.

– Да я же о вас, мужики, переживаю, чо вы в самом деле? – Гриша нетерпеливо заерзал на лавке. – Это ж просто важно очень, только вы не понимаете, не прозрели еще.

– Да чо ты заладил с этим прозрением? – презрительно фыркнул Сарыч. – Не хрен нам прозревать, и так зрячие, понял – нет? А будешь много болтать, я тебе в лобеш въеду. Трендюлина – она, знаешь ли, лучшее средство от занудства.

Гришка нервно облизал губы. Сарыч был не из тех, кто бросает слова на ветер. Если пообещал въехать – значит, непременно въедет, к гадалке не ходи.

– Да я, собственно, что пытаюсь сказать-то... – робко пролепетал Груша. – Зона – она злопамятная. Реально! Так что, если ты у нее что-то отнимаешь, она потом отнимает у тебя. Баш на баш, типа того...

– Ну все, дружок, договорился ты... – проскрипел Сарыч и, перегнувшись через стол, отвесил Грише оплеуху.

Смычок открыл глаза.

Автоматная очередь, донесшаяся снаружи, в казарменной тишине прозвучала особенно зловеще.

Он приподнял голову, сонно огляделся. Спящий на соседней койке бандюк, лежа на боку, забавно посвистывал на выдохе. Казалось, никто, кроме сталкера, не обратил внимания

на рокот за окном. Однако уже через секунду, когда царившую в вагончике тишину нарушили приглушенные голоса, Смычок понял, что это не так.

– Ты слышал? – спросил кто-то.

– А то! – громко прошипели в ответ. – Кто там ночью шастает-то?

– Может, те сталкерасты опять, которые Муху со Ржавым прихлопнули?

Смычок брезгливо поморщился. «Сталкерасты»? Seriously? Кто вообще мог придумать подобную хрень?

– Да чо б им возвращаться? – хмыкнул второй, но как-то неуверенно.

– А чо им вообще к нам было соваться, а?

– Ну, хрен его знает, в общем, – сдался второй. – Черт с ними вообще, утром поспрашиваем, кто там был. Может, зараза какая-то зононская резвится, а наши шмалять сдуру начали...

Дверь вагончика распахнулась, и в комнату одновременно с порывом ночного ветра ворвался Маргарин. Под возмущенное мычание братков он подошел к угловой койке и требовательно прошипел:

– Смычок, вставай!

– В чем дело? – настороженно спросил Костя, даже не пошевелившись.

– По ходу, выловили мы твой «хвост». Пойдем, позыришь на него, может, харя знакомая.

Смычок молча сел и, свесив ноги с кровати, взъерошил грязные, непослушные волосы, жесткие, словно пакля.

– Снаружи жду. Давай живей, – бросил Маргарин и потопал в обратном направлении.

Самый недовольный из отдыхавших бандитов швырнул в его широченную спину мятую сигаретную пачку.

Обувшись, Смычок на короткий миг задумался, не прихватить ли с собой вещмешок, но решил, что выглядеть это будет чертовски глупо и даже подозрительно, и потому все-таки оставил его на кровати. На ходу забираясь в куртку, он вывалился из вагончика в ночную темноту Зоны.

Маргарин нервно оглянулся через плечо. В его зубах тлела сигарета.

– Помчали, ну, – сказал он и, не дожидаясь ответа, устремился вперед.

– Где он? – спросил Костя, нагоняя бандита.

– Кто, «хвост»? – Щекастый затанулся, выпустил струйку сизого дыма в сторону. – За гаражами. Косой его приметил, велел остановиться, а тот сдуру втопил, ну Косой его и... – Маргарин провел ладонью по горлу.

– Грохнул? – разочарованно произнес сталкер.

– Ну да, – повел плечами Маргарин. – А чо, лучше б дал сбежать? Тот, говорю ж, втопил, как перепуганный заяц.

– Ясно, – безучастно бросил Костя.

Ради чего тогда его вообще будили? Даже если убитый окажется ему знаком, где гарантия, что это и есть его таинственный преследователь? Поймай они беглеца, можно было бы выудить из него хоть какую-то информацию. А что расскажет труп?

Однако, когда они, обогнув гаражи, вплотную подошли к месту происшествия, Смычок и думать забыл о своих сомнениях. Все, буквально все мысли покинули его голову в тот страшный момент. Земля словно ушла из-под ног, реальность отступила, позволив ему остаться наедине с липким, отвратным, сжигающим изнутри ощущением потери.

На земле лежал не кто иной, как Гена Зайцев, он же – Заяц, он же – сын Колотушки. Племяш.

Остекленевшие глаза парня смотрят в небо, рубашка цвета хаки, чуть великоватая (видать, отцовская), вся в бурых пятнах – кровь.

Мертв.

Еще один принесен в жертву ненасытной Зоне.

Костя почувствовал на себе чей-то тяжелый взгляд. Подняв голову, он с удивлением увидел до боли знакомое лицо. Криво улыбаясь, перед ним стоял бородатый ублюдок из переулка, с которым Смычок схлестнулся двумя днями ранее, после поминок в «Радянте». Костя напрягся. Тогда он легко вырубил плечистого мерзавца – благо, кроме кулаков, иного оружия тот не имел. Теперь же в руках здоровяка был автомат, который он держал нарочито небрежно, будто дразня стоящего перед ним сталкера.

Без всяких сомнений, ублюдок тоже узнал Костю.

– А вот и наш жмурик, – сказал Маргарин, стоявший за правым плечом Смычка. – Косой, расскажи, чо как вышло?

– А чо рассказывать? – с ядовитой улыбкой произнес бородач, неотрывно глядя на сталкера. – Я за гараж выглянул – он стоит. Я ему – стой, мол, побакланым. А он – драпать. Ну я и выстрелил, а чо, стоять?

Внутри у Смычка kloкотал гнев. Он безумно хотел втоптать в грязь самодовольно ухмыляющегося бандита, но понимал, что за этим последует, и потому сдерживал себя из последних сил.

– Ну так, а ты... как тебя, Смычок, кажется? – Глаза Косого смеялись. Это был его чертов «звездный час». – Знакомый у него хлебальник или нет?

Окончательно обнаглев, бандит пнул бездыханное тело Зайца, и это стало последней каплей, переполнившей чашу Костиного терпения.

В один миг Смычок оказался рядом с ублюдком и со всего размаха врезал ему в подбородок, туда же, куда бил в прошлый раз. И снова – с тем же результатом: безоговорочный нокаут.

– Эй! – возопил Маргарин.

Подбежав к Косте, он оттолкнул его от поверженного бандита и заорал:

– Ты чо, охренел, мужик?!

Позади зловеще клацнул затвор.

– Руки на! – проорал кто-то. – Чтоб я их видел!

– Не стреляй! – не оборачиваясь, воскликнул Смычок. Он послушно поднял руки и сплел пальцы рук за затылком. – У нас с ним личное!

– Какое, мля, личное?! – разорвался стоящий за спиной бандит. – Ты чо руками размахался? Совсем попутал?

– Отведите меня к Снежку, – тихо, но твердо произнес Костя, обращаясь к стоящему рядом Маргарину.

– К какому, на хрен, Снежку? – рявкнул Маргарин, злобно вращая глазами.

– Я тебя ща прямо тут порешаю, мурло! – вторил ему стрелок за спиной.

Они кричали, рычали и размахивали стволами, пытаясь его запугать, но Смычок уже понял, что ничегошеньки они ему не сделают. Могли бы пристрелить здесь и сейчас – так бы и поступили. Конечно, позволять «вонючему сталкерасту» беспрепятственно колошматить братков не дело, но мало ли что там у них за дружба с хазаровским племянником? В конце концов, этот их Косой – всего лишь мелкая сошка, такой же, как они сами, отморозок, худобедно обученный жать на гашетку. Так стоит ли из-за него рисковать работой, а может, и жизнью?

– Отведи меня к Снежку, – спокойно повторил Костя, продолжая держать руки за головой.

Маргарин подступил к сталкеру вплотную, гневно глядя на него снизу вверх, а потом в сердцах сплюнул в сторону и нехотя процедил:

– Ладно, Лошадь, осадил.

– Слышь, Маргарин, ну это вообще не дело... – завел старую песню недовольный бандюган, однако Борин прихвостень перебил его:

– Ша, базар убили! Пусть босс сам с ним разбирается, не хер самодеятельностью заниматься!

– Ну лады, тебе виднее, как бы. Ты там с боссом рядышком, – сдался неугомонный Лошадь.

– Приведи Косого в чувство и жмура оттащи подальше от делянки, – распорядился Маргарин, подталкивая Смычка в спину.

Последняя фраза заставила Костю вздрогнуть. Он снова скользнул взглядом по обмякшему телу племянника. Несмотря на внешнее спокойствие, Смычок был разбит и опустошен, словно Зона разом выпила его и обратила в пустотелый «муляж», пригодный лишь для бессмысленного путешествия домой. Он хотел бы проститься с убитым племянником и в то же время боялся остаться с ним наедине. Он хотел запомнить Генку радостно улыбающимся, наивным пацаном, каковым тот оставался даже после смерти отца, словно назло грусти и печали. Но в памяти навечно сохранится иной портрет – мертвое, бледное лицо, невыразительный взгляд и чуть приоткрытые губы, уже отдающие синевой в тусклом лунном свете.

– Шагай, ну! – прикрикнул на зазевавшегося сталкера Маргарин, и Смычок нехотя побрел вперед, часто оглядываясь через плечо на лежащего в траве племянника. Будто в глубине души надеялся, что тот внезапно очнется от мертвого сна.

Но этого, конечно же, не произошло.

– Да иду я, иду, – злобно сверкнув глазами, буркнул Смычок после очередного тычка и отвернулся.

Они прошли между гаражами и направились напрямик к вагончику Снежка.

– Только к боссу первым пойдешь, – предупредил щекастый бандит, хмуро глядя на сталкера. – Будить его после трипа – попадос еще тот, мне оно не тарахтело, под горячую руку. А ты раз кашу эту заварил, то сам и расхлебывай. Ну пошел! – Он кивнул в сторону вагончика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.